

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

МАКСИМ ЗАБОЛОТСКИХ

СЛУЧАЙНЫЙ МИР

РОМАН

Москва, 2020
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-12

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1196

Художник
С. А. Григорьев

Заболотских М. Г.

3-12 **Случайный мир: Фантастический роман.** — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 474 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2998-1

Андрей, обычный программист из Петербурга, вдруг начинает видеть пугающие сны, в которых ему предстают разрушенные средневековые города, наполненные демоническими тварями. Когда грани между сном и реальностью перестают существовать, Андрей оказывается втянут в события, после которых его жизнь уже никогда не будет прежней.

Ксермет, закаленный в сражениях воин Гакрукского королевства, вот уже несколько лет борется за выживание своего народа. Темные маги, упоминания о которых сохранились разве что в древних рукописях, неожиданно снова нанесли удар. Его мир лежит в руинах, и битва кажется проигранной.

Однако у Андрея и Ксермета есть гораздо больше общего, чем они могут себе представить. Вместе им предстоит понять истинную природу мироздания, узнать о совместном прошлом обеих планет и спасти их от нашествия демонических созданий.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Заболотских М. Г., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-2998-1

*Моей любимой тете посвящается.
Она обязательно дочитала бы эту книгу до конца,
если бы в ее планы не вмешалась всеобъемлющая белизна.*

ПРОЛОГ

Велосипед медленно полз в гору. Узкая дорога петляла между маленькими деревушками, мирно дремлющими этим ранним осенним утром. Деревья стояли еще зеленые, но кое-где уже проглядывали первые желтые листья. Свежий ветер отчетливо давал понять, что лето уже позади. Вершины гор были скрыты за тяжелыми синими облаками, которые лениво, но как-то сердито и даже угрожающе расплывались по небу. Солнце светило сквозь них ярко-белым, четко очерченным диском, который слепил глаза, но оставался бездонно-холодным.

Несмотря на небольшую скорость, педали крутились легко. Усталости Штефан совсем не чувствовал, дыхание его было ровным. Еще пару лет назад, когда он только начал увлекаться горным велосипедом, подъем в эту гору стоил бы ему немало времени и сил.

Тогда он и пяти минут не мог проехать при таком наклоне. Ему приходилось постоянно останавливаться, дрожащими руками хвататься за бутылку с водой и сквозь прерывистые и жадные вдохи вливать в иссохший рот живительную влагу. При этом он обычно громко ругался про себя (а иногда и вслух), задавал себе вопрос, зачем он все это делает, и зло смотрел вслед надменно улыбающимся велосипедистам, которые обгоняли его во время этой вынужденной остановки. В конце концов он вновь говорил себе, что если могут они, то может и он, и отправлялся дальше в новый пятиминутный марш-бросок, мысленно обозначив для себя впереди точку следующей остановки.

Однако на смену мучительной стадии быстро пришла стадия сносная, которая почти так же быстро превратилась в стадию удовлетворения и удовольствия. Теперь поездка на горном велосипеде была для Штефана не напряженной битвой, а просто новым интересным времяпрепровождением.

Дорога была совершенно пуста, а тишину нарушало только мерное бряцание колокольчиков пасущихся неподалеку коров, которые философски поедали альпийскую траву и безучастно глядели в сторону медленно поднимающегося велосипедиста.

Тишины Штефан, впрочем, не слышал, а коров и вовсе не замечал. В наушниках играла легкая динамичная музыка, а его мысли были где-то далеко. Он мечтательно планировал следующий отпуск и с легкой завистью смотрел на большой журавлиный клин, который направлялся в какие-то далекие теплые края. Птицы пролетели над далекой часовней на самом верху горного перевала и скрылись из виду.

Внезапно Штефан вздрогнул: метрах в двадцати вверх по дороге он вдруг увидел высокую мужскую фигуру, с ног до головы завернутую в длинный черный плащ. Разум Штефана вернулся в действительность. Надо же, совсем его не заметил. Вроде все время вперед смотрел. Да-а, вот они, мечты об отпуске, совершенно отключают от реальности. Он растерянно начал вглядываться в медленно приближающегося мужчину.

Незнакомец заметно хромал, и было видно, что ходьба дается ему с трудом. Штефан не мог разглядеть его лица, так как оно было наполовину скрыто под большим капюшоном. Судя по всему, это был человек немолодой, но вопреки годам крепкий. Его широкие плечи намекали на немалую силу и хорошую физическую форму, которой он когда-то обладал.

Поравнявшись с ним, Штефан машинально пожелал доброго утра. Рот старика расплылся в широкой улыбке, однако его губы были напряжены и немного поджаты, лишая эту улыбку любого намека на дружелюбие.

Штефан заметил, что лицо незнакомца было сильно обожжено и старые шрамы так никогда и не зарубцевались до конца. Уголок рта старика немного задергался, и, к своему невольному отвращению, Штефан увидел тонкую струйку слюны, которая начала стекать на морщинистый подбородок.

Незнакомец слегка приподнял капюшон, и Штефан встретился с ним взглядом. Под блеклыми слабовидящими глазами висели большие, иссиня-черные мешки (точь-в-точь как облака, идеальная цветовая гармония).

Сквозь музыку в наушниках в ответ на повисшее в воздухе приветствие до Штефана донеслось невнятное клочкотание. После недолгой паузы старик вновь побрел по дороге, слегка пошатываясь. Он сильно сутулился, отчего его широкие плечи были похожи на забытые декорации сбежавшей юности.

Штефан невольно прибавил темп. Какое-то странное, неуютное чувство вызвала в нем эта встреча. Ему стало явно не по себе от мысли, что нечто подобное может ожидать в будущем и его самого. Никто не застрахован от старости и от несчастных случаев. А о горном велосипеде в таком возрасте точно придется забыть.

Штефан с удвоенной силой надавил на педали. Его спокойный и мирный настрой куда-то улетучился. Вместо этого откуда-

то появилась неудержимая злость на устройство мира, вызванная осознанием собственного бессилия перед течением времени.

Эти глаза. И полностью обожженное лицо. Странно так он смотрел на меня. Мурашки по коже. Откуда он и взялся-то? Живет, видимо, в той деревушке на перевале. Ведь под два метра ростом, если распрямится, точно! Интересно, какой он был в молодости? Чем занимался? Мог ли он тогда себе представить себя таким через столько лет?

Штефан невольно оглянулся. Пустая дорога уходила вниз и скрывалась в небольшой роще в паре километров вниз по склону. Не может быть. Я же только пару минут как отъехал от него!

Штефан остановился и начал прочесывать взглядом зеленые луга рядом с дорогой. Коровы по-прежнему меланхолично пережевывали траву, мерно побрякивая колокольчиками. Старика нигде не было видно. Штефан нервно вздохнул и забрался на велосипед. Ерунда какая-то. А может, он в молодости спортивной ходьбой занимался, этот дед. Штефан усмехнулся, но радости в этой усмешке не было, скорее самоуспокоение.

Раннее утро полностью утратило для него свой мирный осенний шарм. Пустая дорога больше не излучала приятного спокойствия и пропиталась вязким чувством тревоги. Резкий гитарный аккорд завершил последнюю песню альбома, и музыка в плеере прекратилась. Звон тишины резко ударил по ушам. На ходу Штефан снял наушники и начал бесцельно рассматривать окрестности.

Часовня на горном перевале была уже совсем близко. Это было небольшое строение на самой окраине деревни, которое примостилось в тени старого ясеня. Судя по виду, построили ее несколько сотен лет назад, когда сегодняшние деревеньки стояли еще отдельными хуторами. Надобность в часовне отпала давно — чуть поодаль, в центре поселка, виднелась церковь.

У Штефана были большие сомнения в том, что кто-то все еще следил за часовенкой. С годами она заметно покосилась, желтая краска местами отпала, особенно вокруг маленького окна с закрытыми ставнями. Дверь была заперта на большой висячий замок, ключи от которого вряд ли кто-то смог бы сегодня найти даже при крайней необходимости.

К этому моменту Штефан уже решил, что до самой вершины он сегодня не поедет, а воспользуется спуском к реке сразу за деревушкой и по набережной вернется к дому. Однако, когда он поравнялся с часовней, сердце его екнуло и ушло если не в пятки, то как минимум в район колен.

Сначала Штефан увидел, что дверь немного приоткрыта, а замок валяется рядом на земле. Затем он отчетливо услышал громкий гул, определенно доносившийся изнутри ветхого строения. Через пару секунд пространство вокруг часовни озарилось не-

стерпимо ярким светом, как будто в ней зажгли мощный прожектор. Свет несколько раз мигнул и погас. Все стихло.

Нет, это уже слишком. Сначала этот чертов дед, а теперь вот ЭТО! Съездил покататься, отдохнул. Белая горячка в результате кислородного отравления, не иначе. Благо дорога сейчас уже вниз пойдет. Быстро домой, вперед к выходному на диване, спорта на сегодня вполне доста... Мысль его так и остановилась на полуслове, а челюсть невольно отпала вниз, да так и осталась в этом положении.

Дверь неохотно подалась вперед, пересиливая скрипучие ржавые петли. Через узкую щель между старой дверью и косяком протиснулся мужчина. Вернее, воин. Как в фильмах про римлян. Из-под длинной накидки, в которую он был одет, торчало лезвие меча. Еще пара метров, и дорога пойдет вниз. Быстрее, быстрее отсюда валить.

От неожиданности Штефан неудачно надавил на руль, велосипед вильнул, и переднее колесо съехало с дороги в траву. Визгнули тормоза, велосипед занесло, и Штефан потерял равновесие. Колено больно встретилось с асфальтом, за ним последовали локоть и голова. Кровь хлынула в виски, в глазах заплясали искры.

Штефан попробовал подняться. Руку пронзила острая боль. Тем не менее возможный перелом и погнутое колесо велосипеда в данный момент были, пожалуй, самыми незначительными его проблемами. В непонимающем оцепенении Штефан смотрел на старую часовню. Перед глазами его плавали назойливые разноцветные круги.

Воин сделал несколько шагов и остановился. Пурпурный плащ театрально развеялся на ветру, обнажая под собой кожаные доспехи. На груди воина красовалось изображение какого-то замка, на который падал яркий луч света.

Воин двинулся вперед, пристально глядя на лежащего на дороге Штефана. Все, конец. Старость. Ха! До такой роскоши еще дожить надо... Мысли Штефана быстро понеслись с горы, оставляя далеко позади это злополучное место и странные события сегодняшнего утра, неудержимо путаясь в ветках деревьев и изгибах реки, набережная которой вела к его дому... В глазах потемнело, и фигура воина, склонившегося над ним, поблекла и вскоре окончательно растворилась в тяжелых облаках.

Часть первая

ТЕМНОЕ БУДУЩЕЕ

Глава 1

ГОРЯЧИЙ АСФАЛЬТ

Воздух над Дворцовой площадью висел тяжелым жарким облаком, искажая далекие силуэты. Люди медленно двигались по ней, словно невыспавшиеся мухи по огромной тарелке. Солнце нещадно жгло каменную плитку под ногами и бросало слепящие отблески от окон Эрмитажа, как будто пытаясь скрыть его от глаз многочисленных туристов.

Статуя ангела на Александровской колонне была похожа на солдата почетного караула, который многое дал бы за то, чтобы поскорее убраться со своего поста. Но его смена только начиналась. Ангел опирался на свой крест изо всех оставшихся сил, пытаясь не потерять сознания и не обрушиться со своего пятидесятиметрового постамента. В его каменных глазах застыло немое отчаяние, а на губах невысказанные вопросы «За что?» и «Почему именно я?».

За что мне все это? Почему именно сегодня? Андрей неподвижно сидел в машине, упершись вспотевшим лбом в кожаный руль. Ведь выехал заранее, чтобы уж точно не опоздать! И ведь суббота же, ну откуда здесь сегодня эта пробка? Понятно, по будням весь Невский стоит, но сегодня-то куда все решили разом поехать?! Андрей отлепил лоб от руля и бесцельно уставился в окно. Группа китайских туристов бодро вынырнула из-под арки Генштаба и бесстрашно устремилась к входу в Эрмитаж, сметая зазевавшихся прохожих на своем пути. Этих даже жара не берет.

Кондиционер с истощным ревом гонял горячий воздух по салону. Термометр в машине показывал плюс тридцать шесть. Такого за свои двадцать восемь лет жизни в Питере Андрею испытывать еще не приходилось. Всю неделю синоптики трещали по всем каналам про аномальную жару и исторический максимум за всю историю метеорологических наблюдений. Китайцы резво пронесли мимо Александровской колонны, на ходу обрушив на ангела шквал фотовыстрелов. У Алины лекция уже совсем скоро закончится. Ведь только через мост осталось переехать, столько времени уже в этой пробке — и почти не двигаюсь никуда. Андрей закрыл глаза.

Весь день он вновь и вновь прокручивал в голове самые важные события в их с Алиной отношениях. Он опять представил себе день их знакомства. Четыре года прошло с тех пор. Будучи студентом последнего курса, он шел тогда сквозь беспорядочно кружащие хлопья снега по набережной Невы к автобусной остановке. Ветер с Невы пробирал до самых костей. Он дерзко задувал под воротник легкой куртки, сжимая продрогшее тело в ледяных объятиях. Андрей отчетливо помнил, как ему тогда было холодно, как он проклинал все на свете, пряча голые застывшие руки в карманы.

Порыв ветра резко ударил его по щекам. Андрей посмотрел в сторону остановки и увидел закрывающийся двери автобус. Что есть силы он побежал, перепрыгнул через сугроб на обочине дороги, задел плечом случайного прохожего, хотел извиниться, но отбросил эту мысль на ходу и бросился дальше.

Автобус включил поворотник, готовясь к отправлению. Андрей подскочил к задней двери и заколотил в нее кулаком. На секунду ему показалось, что автобус трогается с места и что водитель его не заметил (или заметил, но сознательно решил проигнорировать). Но дверь открылась. Салон был забит под завязку, и Андрей с трудом втиснулся на последнюю ступеньку. Дверь автобуса захлопнулась с жалобным скрипом, вдавливая его в соседних пассажиров, которые не слишком-то были рады такому тесному соседству.

— Молодой человек, ну не давите вы так.

— Простите, я не нарочно. Но, если бы этот автобус меня не дождался, я бы там точно замерз на таком ветру.

Обычный вечер, банальный разговор — номер телефона в кармане.

Автомобильный гудок резко прорвался в тот зимний вечер, неся с собой волну горячего воздуха и повседневной ненависти. Колонна перед машиной Андрея чуть сдвинулась с места. Большой желтый джип из соседнего ряда уже успел на полкорпуса втиснуться на вакантное место. Этим маневром он вызвал праведный гнев водителя видавшей виды «шестерки», стоящей за Андреем. В зеркале заднего вида Андрей разглядел плотного вида мужчину, который раздосадованно ударил по рулю. По губам читать Андрей не умел, но смысл послания понял точно. Тем временем джип полностью втиснулся перед ним, отбросив резкий солнечный блик от своей желтой искрящейся поверхности. Андрей зажмурился.

Перед ним предстала дорога сквозь сосновый бор, залитая светом весеннего солнца, яркого, но еще холодного. Алина шла рядом в узкой кожаной куртке и мальчишечьей бейсболке, спрятав руки в карманы. Ее черные густые волосы плавно ложились на плечи, глаза были слегка прищурены. За плечами у Андрея был рюкзак с бутербродами и бутылкой молодого абхазского вина. Че-

рез несколько дней после их совсем неромантичного знакомства в автобусе Андрей решил все-таки позвонить ей и пригласил на встречу. С тех пор вот уже больше месяца они виделись почти каждый день.

— Ну что, где пикниковать-то будем? Уже больше часа в этом парке место ищем.

— Давай еще немного посмотрим, чтобы народу не было. Пошли вон по той тропинке, по виду туда мало кто ходит.

Вскоре они вышли на небольшую поляну, посреди которой виднелись остатки костра.

Через пару часов, слегка замерзшие от долгого сидения на одном месте, но довольные, они приготовились уходить. Алина весело запрыгнула на лежащее на поляне дерево, которое они использовали в качестве скамейки. Она с громким смехом принялась передразнивать беспокойного воробья, который все это время провел с ними в ожидании хлебных крошек. Он постоянно нервно скакал вокруг них, хватая брошенные ему кусочки хлеба. Его воробьиная душа была явно встревожена нелегкой борьбой между голодной отвагой и разумным страхом перед людьми. Дерево качнулось, и Алина с криком упала в самую середину кучи пепла от потухшего костра. Андрей быстро подбежал к ней и взял ее за руку, чтобы помочь ей встать. С тех пор в течение почти четырех лет эту руку он почти никогда больше не отпускал.

Сквозь вязкую пелену июльского дня прорезался визг полицейской сирены. Машины начали нехотя расступаться. Андрей отъехал к обочине. Все понятно, авария где-то! Опять какой-то идиот куда-то опаздывал, и теперь он, очевидно, успел (хоть и не туда, куда стремился), а мы теперь тут все стоим. Превосходно.

Андрей нервно посмотрел на часы. Двенадцать. Как-будто в подтверждение его мыслям раздался полуденный залп из пушки Петропавловской крепости. Минут через десять последняя пара закончится. Через мост точно не успею переехать вовремя с такой скоростью. Андрей достал телефон и начал набирать сообщение о том, что он опаздывает. Да что ж такое, так все спланировал, хотел, чтобы все было сегодня идеально. Ну ничего, прорвемся.

Колонна медленно двинулась вперед, но уже через десяток метров вновь остановилась. Неожиданно из парка донесся пронзительный женский визг. Андрей вздрогнул, но, поняв, что происходит, заулыбался. Молодой парень в солдатской форме пытался затащить свою девушку в фонтан. Она изо всех сил сопротивлялась и била его руками по спине, но битва эта была уже проиграна: солдат перешагнул через гранитную кромку и стоял по колено в воде.

Андрей продолжал улыбаться. Он стоял по пояс в холодной воде залива и смеялся, тогда как Алина бессмысленно кричала, убирая мокрые волосы с лица. Безликие многоэтажки молчаливо

наблюдали за ними с другого берега, освещенные оранжевыми лучами заходящего солнца.

— Сумка, где моя сумка? Там же телефон, деньги, паспорт, — всхлипывала она, озираясь по сторонам невидящим взглядом. Тушь текла по ее щекам, расплываясь по мокрому лицу.

— Да все в порядке, — сквозь приступ смеха выдавил из себя Андрей, — вон она, на пирсе осталась, зацепилась за что-то в полете.

Да, тот еще денек тогда был. Весь день тогда гуляли по парку, а потом так целовались на пирсе, что и края не заметили. Андрей посмотрел на огромный букет белых лилий на сиденье рядом. Он уже давно решил сделать Алине предложение и долго обдумывал, как именно. Момент, по его мнению, тоже был идеален. Сам он уже три года работал программистом в крупной фирме, куда устроился сразу после университета, а Алине оставалась последняя сессия на восточном факультете. Она специализировалась на сабеистике — отрасли востоковедения, изучающей языки и культуру древней Южной Аравии.

Андрей до сих пор не был уверен, был подобный экзотический выбор профессии ее собственным — или же она поступила туда, чтобы осуществить несбывшуюся мечту своего отца. Отец Алины был человеком с худощавым осунувшимся лицом и сложной судьбой, который, судя по убеждениям, родился слишком рано, а судя по интересам — слишком поздно.

Его деда репрессировали в самом начале советского режима, так как в те беспокойные времена ему не посчастливилось быть деревенским священником, да к тому же еще и зажиточным. В результате все члены его прихода, которые еще несколько месяцев назад исправно посещали воскресные службы, оказали активную помощь солдатам отыскать этого «врага народа», когда он, почувствовав неладное, одной морозной ночью попытался бежать вместе со своим сыном.

Облава прошла удачно, священника, ко всеобщему удовольствию, изрядно поколотили и сдали куда следует. Сыну, в ту же ночь отрешемуся от отца и от Бога, удалось избежать его участи. Он остался жить в той же деревне со своей теткой и был вынужден каждый день до самого начала войны здороваться с мучителями своего отца на улице.

Таким образом, война стала для него одновременно испытанием и избавлением. Он дошел до самой Европы, однако за несколько месяцев до капитуляции попал в окружение и вернулся домой контуженным и без обеих ног. Однако, учитывая острую нужду в мужчинах в послевоенное время, он все же смог жениться и родить сына.

Сам отец Алины поступил на востфак тогдашнего ЛГУ в начале шестидесятых и закончил его с отличием, оставшись на кафедре аспирантом. Однако печальная судьба деда, видимо, ничему

его не научила, и он вступил в некое тайное социал-христианское общество освобождения народа ровно за год до того, как это общество было рассекречено КГБ. Все его члены были лишены степеней и званий и сосланы в лагеря строгого режима. Когда он вернулся в родной Ленинград по прошествии без малого десяти лет, научная карьера для него была закрыта, и ему пришлось довольствоваться низкоквалифицированными заработками.

Как рассказывала Алина, он тем не менее на всю жизнь сохранил интерес к выбранной специальности и проводил долгие вечера в библиотеках, постоянно совершенствуя свои так никогда и не востребованные знания. Женился он, уже когда ему было далеко за сорок, так что Алина стала для него поздним и единственным ребенком. Про свою мать Алина никогда особо не рассказывала, только то, что она ушла из семьи, даже не потребовав развода, и переехала в другой город. Подробностей Андрей не знал и особо Алину не спрашивал, так как не был уверен, что хочет слышать правду.

В любом случае он был уверен, что их с Алиной отношения наконец-то положат конец череде ее родовых злоключений. План предложения руки и сердца в итоге созрел грандиозный.

Сегодня, в ничем не примечательный (кроме рекордно жарких температур) субботний день, он сказал Алине, что после пар встретит ее возле университета и они вместе поедут в один французский ресторан на южной окраине города, который он давно уже хотел посетить. На самом деле Андрей был там уже несколько раз, разведывая обстановку.

Ресторан был небольшим, столиков на десять. Они стояли по две-три штуки в нескольких маленьких комнатках. Интерьер оформлен в духе обычной квартиры. Вдоль стен расставлены книжные шкафы из массивного дерева, а картины на стенах выполнены в виде открытых окон, так что создавалось впечатление, что из комнат видны известные пейзажи Франции.

Ближе к концу ужина Андрей намеревался как бы невзначай вытащить книгу из шкафа и случайно найти в ней заранее приготовленный запечатанный конверт. Тогда он собирался изобразить неподдельное удивление и распечатать его. Алина, конечно, сказала бы, что, наверное, не стоит его трогать и надо оставить конверт на месте. Но тогда было бы уже поздно. Андрей уже распечатал бы его, заглянул внутрь и, широко раскрыв глаза, протянул его Алине со словами: «Смотри, что я здесь нашел!»

Нет, нельзя, чтобы из-за какой-то аварии все пошло не так, как запланировано! 12:20. Теперь пара уже точно закончилась, и она ждет меня на остановке. Андрей попробовал позвонить, но длинные гудки вскоре сменились механическим голосом: «Абонент не отвечает. Оставьте ваше сообщение после сигнала».

Может, задерживается. А ну его все к черту, звони — не звони, я через мост еще как минимум полчаса так ехать буду. Если это

можно назвать ездой. Андрей надавил на газ, под неодобрительные взгляды прохожих въехал боком на поребрик и заглушил мотор. Пускай эвакуируют, если хотят. То есть, конечно, по-любому эвакуируют здесь, в центре города. И штраф впаяют потом... Но это будет после, тогда и станем разбираться.

Андрей взял букет, сильно набитый рюкзак с заднего сиденья и вышел из машины. Когда толстяк сзади понял, что происходит, он проводил Андрея неодобрительными гудками и угрожающим невербальным посланием.

Андрею было все равно. Он ощутил чувство огромного облегчения и эйфории. Ничего, на метро доедем. Он почти бежал через Дворцовый мост, злорадно глядя на медленно запекающихся в собственном соку водителей. Андрей представлял, как Алина возьмет в руки конверт и достанет оттуда два билета в Париж. Пройдет какое-то время, прежде чем она поймет, что это не шутка и что билеты предназначены для них, и что летят они прямо сегодня вечером в столицу влюбленных.

На три дня. Всего на три дня... На целых три дня! Три дня, которые изменят мою жизнь! Андрей представил, как она будет удивлена, начнет спрашивать — что, почему, ведь никакого особого события вроде нет, — начнет вспоминать различные даты, потом станет говорить — как же так, как можно так вот взять и поехать, не собравшись, и прочее, и прочее, и прочее. «Просто потому, что я люблю тебя и хочу сделать сюрприз. Просто так», — так и скажу. Потом объясню, что кое-какие вещи я все-таки уже упаковал, в том числе ее паспорт и все самое необходимое.

Андрей шел мимо Кунсткамеры с отрешенным взглядом и широкой улыбкой на лице. Авария, по всей видимости, была где-то далеко. Со стороны биржи на набережную здесь вливался второй поток машин, и движения не было абсолютно никакого. Навстречу Андрею прошла шумная группа туристов, которые громко и весело что-то обсуждали, пытаясь доесть стремительно плавящееся мороженое еще до его перехода в жидкое состояние. Андрей их не заметил. Он стоял на верхней платформе Эйфелевой башни, глядя на бескрайний лабиринт парижских улиц и отражение мерцающих огней города в Сене. Одной рукой он обнимал Алину за плечи, а в другой сжимал в кармане коробочку с кольцом, готовясь к главной минуте этого путешествия.

Андрей перешел через улицу у памятника Ломоносову и, опять вернувшись в реальность, посмотрел на автобусную остановку у здания востфака. Четыре года назад здесь все началось. Тут сердце его екнуло, похолодело, застыло и застучало отбойным молотком по вискам. Все тело покрылось потом, но на этот раз холодным. Андрей побежал. Рядом со входом на востфак плотным кольцом стояла толпа людей. За ней он разглядел беззвучные огни машин «скорой помощи» и полиции.

Андрей отшвырнул лилии на землю и начал пробиваться через толпу. Большая часть дороги была оцеплена, а встречная полоса попеременно пропускала машины в обе стороны. Железный каркас остановки был смят и наполовину вырван из земли. Повсюду валялись обломки машин и куски выбитых стекол. На смятых кустах лежал перевернутый «хаммер», вернее то, что от него осталось. Посреди дороги на боку покоилась опрокинутая маршрутка, которая в предсмертной агонии обнимала разбитую легковушку. Перед самым входом на факультет, опираясь на погнутую остановку, стоял помятый автобус.

Андрей пробился через толпу к полицейскому заграждению, где молодой лейтенант тщетно пытался убедить народ разойтись. Чуть поодаль корреспондент разговаривал с испуганной, но целой и невредимой студенткой.

— У нас пара раньше закончилась, я с подружками потом задержалась еще немного. Потом только дверь на улицу успела открыться, летит этот огромный джип по встречке и прямо в автобус....

Андрей взглянул за заграждение. Тротуар был забрызган кровью, медики спешно грузили в машины «скорой помощи» пострадавших. Пожилой мужчина на носилках жалобно стонал. Молодая девушка с ярко-красными пятнами чужой крови на белой блузке громко плакала, прислонившись спиной к живой изгороди. Вдали послышалась сирена «скорой помощи», спешившей к месту трагедии. Рук на всех явно не хватало.

Многим помогать было уже поздно. Тела были сложены в стройную линию рядом с дорогой. Алина. Дыхание Андрея участилось. Он подбежал к ее телу, с прерывистым хрипом медленно опустился на колени и взял ее за руку. Черный браслет, который она всегда носила не снимая, расстегнулся и бессильно упал на тротуар. Застежка погнулась. Андрей машинально поднял его и спрятал к себе в карман.

В глазах у Андрея потемнело. Издалека донеслись странно-тягучие голоса, которые внезапно сменились звенящей тишиной. Темнота перед глазами закружилась черным омутом, окружая Андрея со всех сторон. Он быстро несясь сквозь темный шипящий коридор, а перед его закрытыми глазами бегали красные искры. Внезапно в этой мгле он в первый раз увидел фигуру воина.

Глава 2 ЗЕЛЕНАЯ ДОЛИНА

Долина, зажата между двумя горными вершинами, была залита лучами полуденного солнца. Грозовые облака уходящей бури нехотя уползали за горизонт, оставляя на земле мокрые следы и

поломанные ветки. Высокая трава мерно стелилась по ветру, то и дело накатываясь шумными зелеными волнами на каменные берега. Тенистая роща раскидистых вековых дубов сурово высилась над узкой горной речушкой, разделяющей долину пополам.

Ксермет бесцельно бродил между телами, вглядываясь в лица убитых. Стервятники парили над равниной, предвкушая обильное пиршество. Самые смелые из них уже приступили к трапезе, не обращая никакого внимания на оставшихся в живых. Ксермет поправил длинную железную маску на поясе и молчаливо перешагнул через изуродованное тело акамарского офицера. Эти долго не живут. И как вообще они когда-то были нашей главной угрозой. Мягкотелые и изнеженные, толку от них меньше, чем от детей. Он смачно сплюнул на землю и медленно направился к реке, откуда доносились едва слышные стоны, заглушаемые веселым журчанием воды.

Ксермет осторожно вошел в буйные заросли ведьминой травы, разросшейся до невероятных размеров вдоль узкого русла маленькой речушки. Идеальное место для засады, надо отдать им должное. Ксермет вновь представил себе толпы безумных, которые этим утром с дикими криками выскочили отсюда и набросились на их легион, который был и без того измучен долгим маршем по размытой дороге под проливным дождем.

Стоны становились все громче. Ксермет раздвинул траву, которая доходила ему здесь до самой груди, и вышел на узкую илистую полосу речного берега. Перед ним, бессильно опершись на большой гранитный камень, сидел молодой воин. Его кольчуга была разорвана на животе и замазана липкой смесью крови и грязи. Воин крепко прижимал руки к ране, пытаясь не дать своим внутренностям вывалиться наружу.

Тут никакой эскулап уже не поможет. Ксермет сделал шаг вперед, вплотную приблизившись к юноше. Лицо знакомое уж больно. Хотя здесь, в легионе все друг другу примелькались. Большой обломок щита, медленно плывущий по речке, с тихим всплеском причалил к берегу. Юноша невольно вздрогнул. Ксермет встретился с ним взглядом, и в глазах юноши блеснула слабая искра надежды, но тут же угасла. В бесцветных глазах легионера он отчетливо прочитал свой смертный приговор.

— Пить, — еле выдавил из себя раненый и тут же зашелся прерывистым кашлем, похожим скорее на собачий лай. С каждым новым приступом тело его содрогалось, выплескивая на землю новую порцию телю.

Ксермет молча отошел к реке, набрал в шлем воды и вернулся к умирающему. Затем он поднес шлем к его губам, придерживая сзади за голову, и попробовал дать ему напиток. Сделав один глоток, юноша вновь зашелся приступом кашля. Вдруг его глаза расширились, как будто он только что вспомнил что-то очень

важное. Юноша попытался что-то сказать, но неуместный кашель никак не унимался, не давая ему произнести ни слова.

Ксермет тайком достал из-за пазухи нож, намереваясь раз и навсегда положить конец его страданиям. Когда Ксермет уже приготовился перерезать ему горло, юноша вдруг одолел предательский кашель и что-то прохрипел. Одновременно он начал судорожно дергать себя за запястье, и Ксермет увидел, что он пытается расстегнуть толстый металлический браслет.

— Возьми. Его, — прошептал юноша, с каждым словом выплывывая наружу свежий сгусток крови. — Он не может. Пропать. Со мной.

Ксермет склонился рядом с умирающим и помог ему расстегнуть браслет.

— Я сохраню его, не волнуйся.

— Спасибо. Тебе. Он придет скоро. Он знает. Он найдет. Но ее нет на месте. Нет.

На этих словах юноша вновь зашелся кашлем, который согнул его пополам.

— Да укажет тебе путь звездная колесница, — тихо произнес Ксермет и привычным резким движением полоснул ему ножом по горлу.

Сквозь тело юноши пробежали последние судороги, и он замер. Ксермет вытер лезвие о рукав. И все-таки какое знакомое лицо...

Покрутив браслет в руках, он совсем было собрался бросить его на землю, но вдруг понял, что вещица эта ему нравится. Браслет состоял из толстых матово-черных пластин и производил впечатление изделия если и не дорогого, то особенного. Ксермет защелкнул его на запястье и задумчиво уставился в даль.

В узком ущелье, из которого их легион вышел сегодня утром, к небу поднимались дымящие языки пламени. Обоз горит. Только без жратвы сейчас остаться для полного счастья. Вокруг огня копошились едва различимые фигурки. Может, еще потушат — все же речка неподалеку.

Просчитались. Сильно просчитались. Даже представить трудно, каковы потери. Он перевел взгляд в сторону дубовой рощи, за которой был поднят огромный гакрукский королевский флаг с изображением красной змеи на отвесном утесе. Рядом развевалось акамарское знамя с синим тритоном на фоне бушующего моря. Вокруг уже стояло несколько палаток. Новый лагерь ставят. Еще повоюем.

Ксермет вдруг понял, что ужасно устал. Он уселся на землю рядом с трупом юноши и оперся спиной о камень. Такое соседство его совершенно не смущало. Ксермет не чувствовал ни сожаления, ни грусти. Он вообще мало что чувствовал в последние годы. В тот день, когда покинул родной дом, он ощущал безграничное отчаяние. Несколько последующих лет прошли под знаменем жа-

жды мести. Пару лет назад желание мести сменилось чувством безысходности. Сегодня ему было просто все равно.

Ксермет начал перебирать в голове события последних дней, столь похожих один на другой: ранний подъем, сборы, долгий марш до самого вечера, установка лагеря, ночлег. Короткая беспоконная ночь, прерывистый сон, ночные дежурства и... все заново.

Гакрукский Пурпурный легион долгое время патрулировал южную границу королевства, вернее, той его малой части, которая все еще оставалась под контролем. Около месяца назад они получили приказ оставить позиции и немедленно выдвинуться к месту дислокации королевской армии. Согласно обрывочным сведениям, Бекрус, король Гакруксии, стягивал все силы, какие только можно, в район долины Омо.

Маневр, безусловно, был рискованным, но терять больше было нечего. Да и защищать теперь особо нечего. Страна лежала в руинах. Во время марша среди легионеров ходили слухи, что Бекрус планирует атаку на нексус. Ну что ж, почему бы и не попробовать. Несколько лет уже прячемся в горах, как крысы, пытаемся удержать этот клочок земли. Сколько еще продержится Гакруксия? Год? Два? Да хоть все десять, все равно рано или поздно враг и досюда доберется. Нет, уж лучше действительно попробовать, рискнуть, пусть даже это будет последняя попытка.

Пару дней назад легион достиг Ондара, древней столицы королевства. Вернее, ее руин. На месте некогда великого города с населением в более чем двадцать тысяч теперь стояли разбитые остовы сгоревших домов. На подъездах к городу Ксермет вспомнил о своем первом визите сюда. Было это так давно, что ему казалось, будто происходило все не здесь, не в этой жизни и уж точно не с ним. Впрочем, довоенное прошлое давно уже утратило для Ксермета какую-либо связь с реальностью и в памяти было скорее похоже на истории из некогда прочитанных книг.

В тот далекий день отец Ксермета дедж Зандр, как обычно, отправился в Ондар на ежегодный праздник в честь дня рождения короля. Он был наместником Саифии, небольшой, но значимой провинции километрах в двухстах к югу от столицы, на самом берегу моря. Ксермет, будучи мальчишкой двенадцати лет, долго упрашивал отца взять его с собой, и в конце концов дедж Зандр сдался. Ксермет не мог поверить своему счастью — этот визит должен был стать первым его путешествием за пределы родной провинции.

Всю дорогу до столицы Ксермет с жадностью разглядывал окрестности. Все было как будто таким же, как дома, но в то же время и совершенно иным. Деревенские хижины построены из толстых цельных бревен, а не из отесанных досок, как дома, плетни вокруг хозяйств сменились острыми частоколами. Вокруг были все те же холопы, но разговаривали они на непривычном диалек-

те, странно растягивая слова и называя некоторые вещи какими-то неизвестными именами.

Их небольшой отряд из двух десятков всадников миновал несколько замков, каждый из которых был выше и больше предыдущего. Родной замок, в котором Ксермет вырос, казался ему теперь маленьким и незначительным. А ведь он всегда восхищался его высокими неприступными стенами, грозно нависающими над отвесной скалой, уходящей в вечно бушующее море... Ксермет был настолько поражен увиденным, что за всю дорогу практически не сказал ни слова и лишь время от времени искоса поглядывал на отца во главе процессии.

На третий день пути они почти добрались до Ондара. В этом месте несколько дорог сходились вместе, и кругом царило неописуемое оживление. Предприимчивые торговцы и холопы то и дело приближались к их отряду, предлагая напитки, закуски и ночлег. Вскоре они нагнали другой отряд, раза в три превосходивший по численности их собственный. Когда отец Ксермета заметил треугольные знамена с изображением белого ястреба с тремя лапами, он неожиданно для всех издал громкий боевой клич и пустился в галоп.

Тучный седой воин во главе отряда резко развернул свою лошадь и схватился за рукоятку меча. Солдаты, сопровождавшие его, моментально последовали его примеру. Озадаченные воины отца Ксермета подняли щиты и со скрежетом достали мечи из ножен. Холопы с громкими криками бросились врассыпную. Ксермет похолодел от страха. Он робко вытащил свой меч и невольно придержал коня, подавшись чуть назад.

Над дорогой железной струной повисла тревожная тишина. На лбу Ксермета выступил пот. И тут над толпой разлетелся громкий радостный хохот. Седой воин спрыгнул с коня и, радостно раскинув руки, направился к отцу Ксермета. Дедж Зандр тоже спешил, и на его суровом лице заиграла радостная улыбка. Мужчины заключили друг друга в крепкие объятия, похлопывая друг друга по спине под шумный аккомпанемент мечей, которые начали исчезать в ножнах под облегченные вздохи.

— Ксермет, где ты там притаился, иди сюда, познакомься с деджем Касой, моим старым другом, — проревел отец, нетерпеливо подзывая его жестом руки.

— Серьезно? Твой сын? Я же его последний раз на одной руке держал! Неужели ему четырнадцать уже? На посвящение в легионеры везешь? — прогремел Каса и вновь похлопал отца по плечу.

Ксермет спешился и подошел ближе.

— Да нет, ему еще двенадцать только. Напросился со мной в этом году. Ладно, ничего страшного в этом нет, пускай посмотрит, — отвечал отец, в то время как Каса уже сотрясал Ксермета за плечи своими огромными ручищами.

Оставшийся путь до столицы оба отряда проделали вместе. Отец все время ехал рядом со своим другом. Они много и шумно разговаривали, вспоминая былые времена. Ксермет старался быть к ним как можно ближе и внимательно вслушивался в разговор, пытаясь уловить каждую деталь.

По дороге они встречали все новые и новые отряды, которые направлялись в Ондар. Очень скоро вся дорога была заполнена всадниками. Воздух наводнился шумным гулом разговоров и ржанием недовольных лошадей, зажатых в этой толчее. Тут и там из толпы возвышались знамена с фамильными гербами. Колонна всадников перешла с трусцы на шаг, а потом и вовсе остановилась.

Ксермет остановки почти не заметил: в этот момент он восхищенно смотрел на городскую стену Ондара. Никогда еще в жизни он не видел ничего подобного. Город находился на небольшой возвышенности и по всему периметру был огорожен высокой стеной из красного камня, которая тянулась на многие версты в обе стороны. Через каждую пару сотен локтей в стену были встроены сторожевые башни, которые были украшены резными барельефами. Солдаты почетного караула важно прогуливались поверху.

Однако больше всего Ксермета поразили главные ворота, те самые, куда стремилась попасть вся эта толпа. Они были выполнены в виде головы огромной кобры. В ее глазах на солнце ярко сияли два огромных красных рубина, а капюшон был обрамлен золотом. Открытый рот змеи образовывал широкий проход.

Несколько часов ожидания прошли для Ксермета незаметно, и их группа наконец въехала внутрь. Сразу за воротами начиналась широкая мощеная улица, и они опять ускорили шаг. Аллея Королей словно стрела уходила вперед на несколько верст и упиралась в красные стены внутреннего замка. Вся улица была вымощена красной плиткой, а фасады выходящих на нее домов выкрашены в красный цвет.

Над замком парило огромное королевское знамя, которое было прекрасно видно даже с такого расстояния. Вокруг все было украшено праздничными флажками, в небе над городом парили воздушные змеи с гербами наиболее важных семей, на каждом углу глашатаи громко зазывали публику на выступления жонглеров и театральные представления.

Обычные городские жители здесь были одеты настолько пышно, что холопы в родной Саифии легко приняли бы этих горожан за мелких меконинов. Праздник в честь дня рождения короля должен был продлиться целую неделю, и Ксермет предвкушал не виданные доселе развлечения.

Целую неделю. Тогда я был по-настоящему счастлив. Счастья-а-а-а. Ксермет мысленно произнес это слово нарочито медленно, как будто пытаясь вспомнить, что же оно на самом деле оз-

начает. После того визита в Ондар он вернулся только через много лет, и было это пару дней назад.

Легион шел по разбитой дороге, поросшей дикой травой. Кругом виднелись заброшенные деревни с завалившимися прогнившими домами. Людей нигде не было видно, царило полное запустение. Над головами нависало небо с тяжелыми грозowymi тучами, готовыми прорваться в любой момент и обрушить на легионеров струи ледяной воды. Начинал накрапывать мелкий дождик. Ксермет с тревогой посмотрел на горизонт. Гроза будет. Королевская дорога в плачевном состоянии... Размоет так, что по грязи будем еще неделю тащиться до Омо. Даже погода на их стороне.

Ксермет ехал чуть позади Астаркса, легата Пурпурного легиона, и безучастно разглядывал окрестности. Вскоре в вечернем полусумраке показался Ондар. В неприступных стенах, выдержавших не одну осаду, зияли широкие бреши. Полуразвалившиеся куски торчали из земли, словно зубы во рту старого немощного великана. Главные ворота по-прежнему высились над развалинами, но змеиная голова теперь сторожила покой мертвого города, вглядываясь в даль пустыми глазницами.

Колонна легионеров медленно поднималась к городу. Лошадь Ксермета поскользнулась на мокрой плитке и с громким ржанием упала на одно колено в глубокую лужу, подняв в воздух фонтан грязных брызг. Дождь заметно усилился, а вдали отчетливо стали видны всполохи молний.

Аллея Королей была усеяна обломками близлежащих зданий, а некогда неприступный замок превращен в груду камней. На главной площади, где раньше торговцы со всего света бойко предлагали свои товары, Ксермет встретил лишь кучку испуганных людей, которые жались друг к другу у костра и недоверчиво поглядывали на проходящий легион. Ливень забарабанил по земле, грозя превратить улицы в бурные реки. За ярким ударом молнии последовал оглушительный залп грома.

— Привал! — взревел Астаркс, останавливая лошадь.

— Привал! — передал Ксермет приказ своей сотне.

— Привал! Привал! — разнеслось по улицам.

Эх, если бы тогда не началась эта проклятая гроза. Ладно, пора. Ксермет встал на ноги, бросил мимолетный взгляд на мертвого юношу и двинулся в сторону лагеря. На краю рощи он вдруг заметил небольшую группу оборванных людей, человек шесть, которые испуганно озирались по сторонам. Самый рослый из них, молодой парень с одутловатым лицом, стоял на четвереньках и деловито ковырял руками землю.

Безумные. Не всех еще перебили. Без наездников это просто кучка умалишенных, ничего не могут, ничего не понимают. Но с этими чертовыми наездниками... Ксермет невольно передернул плечами и поправил длинную треугольную маску на поясе. Откуда

у них столько силы берется и ярости. А сколько наших полегло? Сотни! Ксермет сжал меч и быстрым шагом направился к роще.

Безумные продолжали тупо озираться по сторонам. Несколько из них принялись объедать листья с близлежащих деревьев, медленно и методично складывая их в рот. По их лицам начала стекать зеленая слюна. Чувствуют ли они что-то? Осталась ли в них хоть какая-то доля человеческого рассудка? Ксермет подошел совсем близко и поднял меч.

Сухой мужчина средних лет, судя по остаткам одежды, сам бывший легионер, вдруг перестал жевать листья и уставился на приближающегося воина. На миг Ксермету показалось, что он увидел в его глазах едва различимую искру понимания, которая, впрочем, так же быстро потухла. Мужчина вновь принялся обдирать листья и планомерно запихивать их в рот. Парень на четвереньках опустил лицо к земле и начал что-то вытаскивать из травы языком, громко и почти по-свинячьи похрюкивая.

Быстрый удар меча, и вокруг вновь воцарилась тишина. Голова откатилась в сторону и замерла, гулко ударившись о корень старого дуба. Остальные безумные тупо смотрели на происходящее, как будто пытаясь понять, что происходит. Ксермет нанес еще несколько смертельных ударов. Сопrotивления он не встретил никакого: безумные не пытались защищаться, не пытались бежать, не пытались атаковать. Только бывший легионер начал жевать листья, как показалось Ксермету, с удвоенной силой и ожесточением. Хуже зверей без наездников. Хотя нет, это они с наездниками хуже зверей — хуже любого хищника.

Через несколько секунд на земле лежало пять трупов. Ксермет вплотную приблизился к легионеру, единственному оставшемуся в живых. Его челюсти машинально двигались, пережевывая жесткие листья. Ксермет занес меч над головой.

— Да укажет тебе путь звездная колесница, — мрачно вымолвил Ксермет и замер с мечом над головой. Глаза легионера вновь на секунду прояснились, и он медленно прижал кулак к сердцу. Знак благодарности. Возможно ли это? Неужели они что-то понимают? Контролируют свои действия? Или просто совпадение?

Пелена безразличия вновь застлала глаза легионера, и его рука опять потянулась к листьям. Удар меча рассек его голову пополам, и легионер рухнул на землю. Ксермет медленно направился в сторону лагеря, где королевское знамя развевалось в порывах ветра. В его голове вновь ожили недавние события.

Королевское знамя облепило древко и грузно висело под проливным дождем, впитывая все новые и новые потоки воды, которые небеса безжалостно проливали на ночной Ондар. На стенах некогда богато убранной комнаты в большом особняке на главной площади города потрескивали факелы, излучая скудный тан-

цующий свет. Сквозь выбитые окна, наспех заколоченные досками, в зал врвались свистящие потоки ветра.

Мужчина средних лет с огромными, бережно выстриженными усами, одетый в красный камзол с золотыми вышивками, смотрел на собравшихся со своего покосившегося портрета и улыбался. Наверное, хозяин этого особняка. Давно мертв или, еще хуже, бегает где-нибудь по горам с толпой безумных. Все его богатство, которым он так дорожил при жизни, теперь ничего не стоит. Ксермет перевел взгляд с портрета на собравшихся в центре зала.

Дедж Каса раздосадованно ударил кулаком по массивному столу из красного дерева, украшенному замысловатой резьбой.

— Нельзя больше здесь ждать! Этот чертов ливень идет уже третий день! А если еще неделю продлится? Мы что, так и будем здесь сидеть? Надо идти в обход, через долину, по Королевской дороге, — ревел он, яростно брызгая слюной на своих собеседников.

— Опасно, — тихо отвечал ему жилистый невысокий мужчина с огромным шрамом через все лицо. — Из Зеленой долины никаких вестей. Мы не знаем, что там происходит. Я согласен с тобой, Каса, что шанс встретить там врага минимален, ведь долина находится почти в самом центре подконтрольной нам территории. Но гонцы ведь не вернулись. Мы не можем так рисковать. Нельзя ставить под угрозу всю операцию. Надо ждать. А когда дожди закончатся, пойдем через Кордильский перевал, как изначально и планировали.

— И сколько мы здесь будем, по-твоему, ждать? — Каса гневно выпучил глаза. Вена у него на лбу яростно пульсировала. — Я всегда знал, что акамарцы не отличаются храбростью, но твое поведение, Мигело, для меня является ярчайшим примером трусости и... — Слова Касы потонули в монотонном гудении недовольных голосов, взаимных оскорблений и угроз. Собравшиеся легионеры и акамарские офицеры яростно обменивались любезностями, пытаясь перекричать друг друга.

— Достаточно! — прервал его тираду легат Астаркс, поднимая руку в воздух. — Достаточно. Мы не можем позволить себе внутренние распри. Поэтому в очередной раз попрошу относиться друг к другу с уважением. Каса, тебя это в первую очередь касается.

Астаркс встретился с Касой глазами и начал буравить его взглядом. Ксермет невольно передернул плечами.

Совещание продолжалось уже больше двух часов, и дискуссия определенно шла по замкнутому кругу. Ксермет тяжело вздохнул и окинул взглядом других легионеров почетного караула, угрюмо стоявших вдоль стен комнаты в полной боевой выкладке. Только хозяин дома, казалось, не был подвержен общей гнетущей атмосфере: он продолжал надменно улыбаться со своего покосившегося портрета в золоченой раме.

— Сколько времени займет путь по Королевской дороге? — спросил Астаркс, обращаясь к Касе.

— Вообще дня четыре, до Омо по той дороге верст сто двадцать. Но если эти чертовы дожди не кончатся, то чуть больше недели. Если все же прекратятся, то дорога все равно будет сильно размыта. Тогда, я думаю, дней пять-шесть.

— Дорога будет сильно размыта, — задумчиво повторил Астаркс. — Мигело, как ты думаешь, сколько времени займет дорога через Кордильский перевал после такой бури? Твои солдаты уже давно здесь, но я думаю, ты не будешь оспаривать тот факт, что в горах они себя чувствуют не слишком уютно.

Мигело поджал губы.

— Да, мы хотели идти через перевал, а обоз пустить в обход. Но это в хорошую погоду. Тогда это сэкономило бы нам день-два. Теперь мы уже в любом случае много времени потеряли.

Астаркс обвел взглядом всех собравшихся.

— Выдвигаемся завтра на рассвете! По Королевской дороге, и чихать на погоду.

Ксермет встрепенулся: такого неожиданного окончания встречи он не ожидал. Оно и к лучшему. По крайней мере, по Королевской дороге мы в любую погоду пройдем. Нельзя больше время терять.

Как же мы просчитались! Ксермет окинул взглядом несколько наспех собранных палаток. Это было похоже скорее не на лагерь, а на точку сбора выживших. Астаркс стоял в самом центре, возле потрепанного знамени легиона, нахмутив брови и обдумывая, что делать дальше. Мигело сидел на земле чуть поодаль, с перевязанной рукой и видом нескрываемого триумфа на лице. Идиот. Столько народу полегло, а он наверняка в восторге от того, что был прав по поводу перевала. Кругом царило оживление. Солдаты расставляли палатки и устанавливали оборонительные заграждения. Значит, будем здесь ночевать. Раны зализывать. Чуть поодаль было организовано некое подобие полевого госпиталя. Среди стонущей толпы раненых сновали эскулапы в забрызганных кровью халатах.

Астаркс поднял глаза и встретился взглядом с Ксерметом.

— Ты что, спал, что ли, где-то полдня? Быстро собери всех оставшихся в живых из твоей сотни и отправляйся к входу в долину. Там уже ставят укрепления. Атака с тыла маловероятна, но больше ошибок мы допустить не можем. Наездники скрылись, судя по тому что вся это толпа безумных вмиг превратилась в тупой скот.

Астаркс помедлил, словно размышляя, стоит ли тратить на Ксермета время, но все-таки продолжил:

— Безумных было больше тысячи. Я до сих пор не могу понять, почему наездник ушел, когда преимущество было явно на его стороне. Он бы весь легион положил, если бы захотел.

— Он не ушел, — тихо произнес Ксермет.

Астаркс нахмурил брови и пристально уставился на него в ожидании объяснений. Ксермет отодвинул полу накидки, снял треугольную железную маску с пояса и бросил ее на землю под ноги Астарксу, глаза которого заметно округлились.

— Честь и отвага!

Астаркс вскинул кулак в воздух, все еще глядя на вытянутую маску, ярко блестящую в лучах солнца.

— Честь и отвага, — отозвался Ксермет.

Глава 3 В ТЕМНОТЕ

Солнце упорно пробивалось сквозь узкую щель между задернутыми шторами, разрезая полутемную комнату пополам тонкой полоской света. На разобранном диване большим комом валялось одеяло, угол которого сползал на пол. На тумбочке громоздилось несколько открытых пачек чипсов в окружении пустых банок пива. Засохший кусок недоеденной пиццы одиноко лежал на засаленной тарелке. В углу еле слышно бубнил телевизор.

«...Аномальная жара, совершенно нехарактерная для наших северных широт, похоже, не спешит покидать наш регион. По словам директора гидрометцентра России Михаила Пудковского, это обусловлено, в первую очередь, быстрым движением теплых воздушных масс из Атлантики в сторону Западной Европы. Как правило, они проходят гораздо южнее, над центральной частью материка...»

Андрей безучастно сидел в углу в большом кресле и практически не моргая смотрел куда-то в одну точку сквозь работающий телевизор, которого он почти не замечал. Что дальше? Почему? Жарко, как жарко. Может, и не было бы ничего, если бы не жара. Этот придурак на «хаммере», может, и не потерял бы управление... Сам бы не погиб и столько людей с собой не забрал бы... Бы-бы-бы... Бред... Андрей вытер пот со лба рукой, затем обтер мокрую ладонь о ручку кресла. Если бы я тогда не затеял все это... с предложением... она меня там не ждала бы на остановке... Опять это «бы»...

«...Довольно редкое природное явление. По подсчетам экспертов, концентрация углекислого газа в атмосфере выросла за последние сто лет почти в сто сорок раз. Совокупность перечисленных факторов и является основной причиной парникового эффекта и глобального потепления. Как это ни парадоксально, но в конечном счете глобальное потепление может привести к глобальному похолоданию, что будет обусловлено быстрым таянием арктических льдов и высвобождением...»

Не хочу. Ничего не хочу. Так глупо и банально. Нет, банальностью здесь, конечно, и не пахнет. Почему, собственно, глупо? Нет, не глупо. Трагично. «Трагично» — пафосное какое слово. Какой тут к черту пафос. Тут жизнь кончилась. Много жизней. А моя? Что теперь с моей? И ведь ничего же не хочется. И слез даже не осталось. Пустота. Андрей перевел взгляд на стенной шкаф и зафиксировал неморгающие глаза на случайной книге.

«...Этот невероятной красоты природный феномен смогли наблюдать сегодня жители Гренландии. На юго-западном побережье, вблизи небольшой деревушки Кекертарсу... Кекертарсиа... Кекертарсуатсиаат, извините, пожалуйста, на небе развернулся настоящий спектакль. Полярное сияние такой мощности никогда раньше...»

Надо начинать что-то делать. Хоть что-то. На работе уже три недели отпуска выбрал... Ну и черт с ним. Кому он теперь нужен, тот отпуск. Как же все-таки обидно. «Обидно». Тоже мне, обиженный нашелся. Как такое можно думать, ведь там... Перед Андреем вновь предстала покоренная остановка и тела людей, уложенные в стройный ряд вдоль обочины. Как конфеты в коробке.

Андрей вновь принялся крутить в руках матовый металлический браслет, который он подобрал на месте трагедии. Андрей до сих пор не был уверен, имел ли он моральное право оставить браслет себе, — ведь Алине тот очень нравился. Она всегда носила его, не снимая даже на ночь. В глубине души он понимал, что было бы правильнее похоронить Алину с ним, но уж очень ему хотелось сохранить его как память. Андрей в который уже раз мысленно убеждал себя, что Алина была бы не против.

«...По мнению известного физика Кнуда Кьеркегора, столь интенсивное свечение может быть вызвано мощными плазменными вихрями в околоземном космическом пространстве. Однако объяснить появление всплеск такой интенсивности автор многочисленных статей по астрофизике и профессор университета Копенгагена все же затрудняется...»

Внезапно тишина погруженной в полумрак комнаты разбилась на маленькие цветные кусочки и разлетелась в разные стороны, унося с собой монотонное бубнение телевизора, мнение датских ученых и уединенное оцепенение Андрея. Дверной звонок пронзительно и настойчиво кричал и, по-видимому, утихать совсем не собирался. Андрей вздрогнул и сфокусировал взгляд, приходя в себя. Не пойду открывать. Сейчас сами уйдут.

Уже через минуту он понял, что уходить никто не собирается. Звонок не утихал ни на секунду, с пронзительным визгом летая по комнате словно невидимый назойливый комар над постелью посреди ночи. Андрей мысленно выругался, защелкнул браслет у себя на запястье и нехотя пошел открывать.

Вместе с электрическими лучами света с лестничной клетки в комнату ворвалась волна спертого воздуха. На пороге стоял низкорослый молодой парень с круглым лицом и взъерошенной копной волос. Белая футболка плотно облепляла его тучное тело, а высокий лоб блестел каплями пота.

— Вика, ты, что ли? — тупо произнес Андрей, уставившись на гостя, который уже протискивал объемный живот в дверной проем.

— Нет, папа римский, блин. Ты как думаешь, кто? Сидишь здесь, как мумия в саркофаге. Сколько ты уже на улице-то не был? — пробурчал гость уже из комнаты, где он с шумом пытался раздвинуть шторы, которые упорно цеплялись за журнальный столик.

— Не хочу я никуда, — вяло отозвался Андрей. — А ты чего не работаешь?

— Уу-у, как все запущено, — присвистнул Вика. — Суббота сегодня, вот почему!

— Суббота... — задумчиво протянул Андрей. — Значит, три недели...

— Вот и я о том же, три недели. Ты за три недели вообще из этой комнаты выходил? Посмотри на себя, осунулся весь. Мешки вон под глазами какие. Нет, Андрей, пойми меня правильно. Я сегодня сюда пришел не с целью внушить тебе, что ничего не произошло. Не пытайтесь тебе доказать, что все не так страшно и скоро все наладится.

Андрей укоризненно вскинул на него глаза.

— Я тебя призываю снова начинать жить. Да-да, жить, не смотри на меня так. На других будешь так смотреть, а меня слушаешь. — Вика брезгливо посмотрел на прикроватный столик, глубоко вздохнул и устремился на кухню.

Андрей остался стоять в дверном проеме, облокотившись о стену. Эх, Вика... Никто ведь больше не зашел ко мне за это время... Ни друзья, с которыми мы выросли... Ни приятели по учебе... А ты — вот он...

— И вообще, что это такое? Я тебе дня три уже звоню, не отвечаешь. Какого ты, спрашивается, телефон-то выключил? Конспиратор хренов.

Вика вновь ворвался в комнату с большим пакетом для мусора и начал яростно трамбовать в него пустые упаковки и пивные банки.

Андрей невольно представил себе день их знакомства, года три назад. Тогда он только устроился на работу и сидел во время ланча один за столиком в столовой бизнес-центра. Время было выбрано неудачно, и зал был забит под завязку. Андрей был погружен в собственные мысли, когда перед ним предстал молодой человек в слегка помятом костюме и галстук набок с подносом в руках.

— Простите, можно я к вам присоединюсь? Все занято везде просто... — застенчиво сказал он.

— Конечно, садись, тем более что я уже заканчиваю.

— Викентий. Я здесь бухгалтером работаю на третьем этаже, — робко произнес толстяк, протягивая руку.

Вика с грохотом протасил мусорный пакет по полу и бросил его рядом со входной дверью.

— Сейчас на улицу пойдем, заберем. Начало положено. А то еще неделя, и совсем здесь грязью зарос бы.

— Куда, ты сказал, мы пойдем? — отозвался Андрей без видимого энтузиазма.

— На улицу, куда. В кафе на Охте. Сейчас к тебе шел, оттуда прекрасно пахнет шашлыками.

Вика плюхнулся в кресло.

— Собирайся. Если серьезно, Андрей, я тебя не веселить пришел. И не соблезновать. Поддержка тебе сейчас, конечно, нужна, но ты этого либо не поймешь сам, либо все равно не признаешься. Поэтому мы просто пойдем есть шашлыки и говорить ни о чем. А в понедельник я за тобой с утра заеду, и мы едем на работу. Это не обсуждается, — добавил он громко в ответ на приоткрытый рот Андрея, пытающегося что-то возразить.

Андрей долго пристально смотрел на товарища.

— Вика, я так рад тебя видеть. Спасибо тебе, что зашел.

— А что было делать? Я тебя надолго оставил в покое после мм... Больше нельзя, извини. Как ты?

— Пойдем, по дороге поговорим.

Крона большого дерева нависала над столиками кафе, которое спряталось от городской суеты на узкой набережной реки. От воды доносился легкий ветерок, что являлось огромным плюсом данного заведения. Особенно в условиях невыносимой жары, которая вот уже три недели подряд пыталась расплавить этот город из стекла и бетона вместе с миллионами его жителей. Андрей жадно отпил из бокала пока еще холодного пива.

— А еще я сплю плохо. Мне каждую ночь снятся какие-то странные кошмары. Вроде бы каждую ночь разные, но все на одну тему.

— Тот день снится?.. — робко произнес Вика, сам точно не зная, нужно ли продолжать эту тему.

У него у самого кровь до сих пор стыла в жилах, когда он вспоминал день похорон. Народу было немного, меньше десяти человек. Пришли только близкие друзья Алины и ее отец. Насколько было известно Вике, другой родни, даже отдаленной, у нее не было. Отец наблюдал за происходящим, как показалось Вике, достаточно отрешенно, его глаза были все время устремлены куда-то

вдаль. Однако его опухшее от рыданий лицо выдавало всю ужасающую гамму бушующих в его душе чувств.

Когда раздетые до пояса, блестящие жирными каплями пота могильщики начали опускать гроб в могилу, отец Алины что-то прошептал себе под нос, сделал неуверенный шаг назад, схватился за сердце и обрушился на землю. Когда приехала «скорая», врачи смогли констатировать только его смерть. Таким образом, из одних похорон получилось двое.

— Нет. Бред какой-то снится, — отозвался Андрей после долгой паузы. — Но настолько реально все! У меня никогда таких снов не было. Снится, что я еду на здоровенной лошади в большой колонне всадников. Вокруг дождь поливает стеной. Все ужасно серо, ничего почти не видно. Вокруг — горы, а мы движемся по узкой долине, по разбитой дороге. Кругом грязь, лошадь спотыкается. А я вижу все это как через маску какую-то. Или шлем. То есть я край этой маски или шлема вижу постоянно, трудно объяснить. Ну, в общем, как будто я действительно там еду, настолько реально все. Но этот я — и не я вовсе. То есть я, но я просто смотрю на все это, хоть и от первого лица, что называется. А повлиять ни на что не могу. Вот тут-то и начинается кошмар.

Андрей пристально посмотрел на Вику, пытаясь понять по его выражению лица, считает он его ненормальным или еще нет.

— А дальше?

Вика ненормальным его явно не считал (по крайней мере пока) и даже был, казалось, немного рад этому неожиданному повороту в разговоре. Несмотря на искренние старания и благие намерения Вики подбодрить товарища, разговор, в общем, не шел, и монолог Андрея на отвлеченную тему был как никогда кстати.

— Ну, в общем, вот так несколько ночей подряд. Но это еще куда ни шло. Вот вчера ночью мне было по-настоящему страшно. Еду это я на лошади опять. В смысле не я, а он, ну, в общем, ты понял. А дальше сквозь шум дождя и ветра... Да, я прямо во сне отчетливо слышу все эти звуки, как будто сам там нахожусь... Так вот, сквозь весь этот шум я вдруг слышу пронзительные крики. Я бы даже сказал, звериный рев. Я резко поворачиваю коня в сторону — туда, откуда кричат. Вернее, воин этот поворачивает, а я смотрю, но его глазами. Странное ощущение. Там полоска травы, высокой такой, и оттуда на наш отряд бегут люди... — Андрей на секунду задумался. — Как тебе сказать...

Ну да, в общем, люди, но орут все истошно, ни оружия у них, ничего. То есть засада вроде, но они полные дикари, даже не варвары, а как животные почти. Кругом слышно лязганье мечей, я тоже достаю огромный меч, и тут один из этих дикарей прыгает на мою лошадь и вгрызается ей в шею зубами.

Андрей невольно передернул плечами.

— Вика, вот веришь или нет, настолько реально это все вижу, что страшно становится, по-настоящему страшно. Он вырывает зубами прямо целый кусок из шеи лошади, кровь оттуда бьет фонтаном, лошадь падает, я сверху, и прямо во сне чувствую, как кровь бьет мне в глаза, под шлем прямо, горячая такая. Я куда-то перекатываюсь, пытаюсь открыть глаза, все черное в этот момент во сне, и одновременно размахиваю мечом.

Потом этот, который лошадь мою загрыз... Смотрит вдруг на меня. Глаза бешеные. Я еле успеваю руку поднять, он прыгает, к глотке моей пытается подобраться. Я хватаю его самого за горло и другой рукой с размаху обрушиваю ему меч на затылок. И тут... Ой, Вика, ты не представляешь, кровь, мозги, дождь, грязь... Дальше начинается настоящая мясорубка. Мне, вернее воину этому, удастся встать. Вокруг бойня похлеще, чем в каком-нибудь фильме ужасов про зомби. Рядом со мной такие же воины, все в тяжелых доспехах, многие уже спешились. Эти дикари кругом, из зарослей травы появляются все новые и новые, с ужасными криками. И тут...

— Молодые люди, еще пива принести?

Андрей непонимающе уставился на тучную официантку, как будто она появилась с подносом прямо посреди поля боя.

— М-м-маленькое, пожалуйста.

— И мне тоже.

Вика повернулся к Андрею.

— И что, уже несколько ночей подряд все это средневековье снится?

— Ну да. Это на самом деле раньше началось. Но сначала обрывки просто какие-то были, я на них внимания не обращал. Впервые я в тот день всю эту хрень увидел... Ну, когда... — Андрей потупил глаза в стол и начал методично смахивать крошки на землю. — А потом каждый день, сначала понемногу, потом всю ночь, а вчера еще и эти зомби приснились для полного счастья.

— Да-а. Не знаю, что и сказать. Прямо блокбастер какой-то. В общем... А дальше-то что?

Вика робко улыбнулся.

— Дальше... Дальше самое «интересное». Над всей этой бойней неожиданно бьет сильнейшая молния, яркая такая, на миг всю долину осветило. И метрах в трехстах от этой мясорубки, слева от дороги, я четко вижу эту фигуру... В этот момент прямо чувствую, как в висках стучит, то ли от страха, то ли еще от чего. И я кричу что-то другим воинам рядом сквозь весь этот шум. Ну воин этот кричит, ну ты понял. Прямо во сне, на каком-то странном наречии, которого я не понимаю. Короче, фигура эта... Стоит вдали там человек, весь в черном. Длинный черный балахон с капюшоном до самого пола, а на лице маска железная, как ромб такой, с одной стороны сильно вытянутый, почти что треугольник, вни-

зу до самого пояса доходит. И он стоит, ноги расставлены широко, руки перед собой, ладонями кверху, как будто медитирует. А вокруг него кольцом эти бешеные, такие же, что на отряд наш нападают, штук двадцать, сидят все, не двигаясь, спиной к нему. И тут я бегу в его сторону и кричу что-то остальным, человек двадцать воинов за мной. Мечом рублю направо и налево, пробиваюсь сквозь толпу этих дикарей, руки, головы, кровь, все летит в разные стороны, а они все прут и прут из этой травы. Мы все вместе пробиваемся через заросли травы и оказываемся на берегу узкой речки. Дождь хлещет, по воде бьют огромные капли, и я прыгаю в эту речку, воды по грудь почти. Становится невыносимо холодно. Другие воины тоже спускаются в речку вслед за мной. Я прямо чувствую, как меня во сне знобить начинает.

— А ты понимаешь, что спишь? Проснуться не пробовал? — прервал его Вика, на лице которого теперь читалась смесь беспокойства и интереса.

— Да как тебе сказать. Скорее нет. Я просто за всем этим наблюдаю. Во сне иногда можешь на что-то повлиять, если сильно захочешь. А здесь этот сон идет себе и идет, как будто кино смотришь... Фильм ужасов.

Потом мы вылезаем из речки и бежим к этой фигуре в железной маске. С этого расстояния его видно даже сквозь завесу дождя. Позы он не меняет, просто стоит там, а все эти бешеные, которые вокруг него сидели, вдруг как один подпрыгивают и несутся на нас. Они здоровые все, как будто их специально отбирали. Кричат страшно. Начинается новая резня. У меня в глазах прямо стоят эти озверевшие лица, залитые своей и чужой кровью. Я размахиваю мечом, рублю этих... Краем глаза вижу, как двое заваливают какого-то воина и с жуткими криками буквально разрывают его на части. В общем... Ужасно неприятное чувство от всего этого. Я который день весь в поту просыпаюсь...

— А может, тебе это, к психиатру сходить с этим? Ой, ну к психологу в смысле. Я не то чтобы что-то плохое подумал, — замылся Вика, подбирая слова, — но ведь бывает там... стресс и все такое...

— Да ну тебя. Я тебе сон рассказываю, а ты меня в дурку засылаешь. — Андрей залпом допил пиво и шумно поставил стакан на стол. — Счет, пожалуйста! Ладно, Вика, ты прав, в общем. В понедельник пойду на работу.

— Я заеду за тобой, все равно по пути, — заулыбался Вика, явно довольный тем, что его план удался. — А чем сон-то заканчивается?

— Да почти все рассказал. В конце картина маслом: стоим мы с еще одним воином посреди горы трупов. Этот в маске даже не дернулся за все время, так и стоит в той же позе, рядом с ним два здоровенных дикаря, всех остальных мы перебили. Ну а они —

нас, двое нас осталось тоже. И тут я слышу жуткий рев, шум и всплески со стороны реки. Оборачиваюсь, а вся эта орава бешеных, которых еще не поубивали, все как один бегут на нас. Просто стеной! Мы со вторым воином бросаемся к этому в плаще, те два дикаря на нас. Я что-то кричу второму воину, уворачиваюсь, качусь по земле и оказываюсь лицом к лицу с этим в маске...

— И?

— И все, на этом сон оборвался. Проснулся я, в общем. Ладно, пустое это все, так, ерунда... — Андрей приподнялся со стула. — Пойдем, Вика.

Глава 4 ЗАМОК НА КРАЮ МИРА

Ветер яростно гнал волны на скалистый берег, обрушивая всю силу моря на отполированные до блеска камни. Многочисленные чайки пронзительно кричали, изо всех сил размахивая крыльями. По широкой отмели под крепостными стенами сновали одинокие фигурки рыбаков, которые перепрыгивали с камня на камень в поисках затаившихся в щелях морских крабов.

Над небольшой площадью неправильной формы, которая была зажата между городскими воротами и портовыми строениями, разносилась ругань торговцев, расставляющих нестройными рядами палатки. Запах рыбьих потрохов смешивался с соленым дыханием моря и утонченными ароматами специй, только что доставленных на длинной парусной шхуне, которая едва втиснулась в маленькую гавань и теперь гордо возвышалась над мелкими рыбацкими судами.

Дебтера Аваки стоял у открытого окна на вершине узкой башни замка, вглядываясь в бескрайний горизонт. Ветер врвался в маленькое окно резкими порывами и трепал его редкие седые волосы, ошалело носясь по маленькой комнате. Скала сумасшедших вихрей — так обычно называли моряки из далеких стран эту саифскую гавань.

Однако лишь местным было дано понять истинное значение этих слов. Согласно легендам, эти непрекращающиеся ни на секунду ветра могли проникать в самую душу и сводить людей с ума, нашептывая своим жертвам страшные проклятия. В рыбацких семьях из поколения в поколение передавались обереги и магические заклинания, способные защитить рассудок от голосов воздушной стихии.

Дебтера Аваки любил этот ветер. Еще будучи мальчишкой, он часто убегал на берег из кожевенной мастерской отца и просто сидел, опершись спиной на крепостную стену, закрыв глаза и не двигаясь, подставляя улыбающееся лицо ледяным порывам. Го-

лосов он не слышал — ветер никогда не говорил с ним, — и даже ребенком Аваки сомневался в правдивости древних легенд.

В такие моменты лишь крики чаек нарушали его одиночество, и Аваки часто представлял себе, как сумасшедший ветер уносит его далеко-далеко от этих скалистых берегов. Он мысленно летел вместе с чайками над волнами вслед за кораблями с неизвестными флагами, которые уходили в далекие страны. Он летел навстречу неизвестному, оставляя позади этот город на краю мира и свое будущее в мастерской отца. Потом он обычно медленно вставал и грустно брел домой, предвкушая очередную взбучку за долгое отсутствие.

Однажды он не вернулся. Вернее, отсутствовал гораздо дольше обычного, почти шестнадцать лет. И вернулся в город уже не молодой мечтатель в прохудившейся замасленной рубашке из грубой мешковины, а уверенный в себе мужчина в черной тунике ученого-дебтеры. Он сошел с трапа корабля, на мачте которого развевался когда-то неизвестный, а теперь практически родной флаг, и первым делом отправился на берег.

Аваки долго сидел не двигаясь, а сумасшедший ветер сжимал старого знакомого в своих ледяных объятиях. И только когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, дебтера Аваки отправился привычной дорогой в старую мастерскую. Седеющий сгорбленный ремесленник с недовольным ворчанием открыл дверь припозднившемуся посетителю, выпустив на улицу резкий запах моченой кожи. Они долго молча стояли друг напротив друга. Старик с укоризной смотрел на гостя усталыми воспаленными глазами, а потом внезапно обнял сына и громко заплакал...

Дубовая дверь громко скрипнула, и ветер радостно вырвался на узкую винтовую лестницу. Дебтера Аваки обернулся.

— А-а-а, лыдж Ксермет! Рад тебя видеть! Заходи, мальчик. Рановато ты сегодня.

— Да, дебтера. Мне не терпелось начать занятие. А вы ведь знаете, как они мне нравятся.

Ксермет осторожно притворил дверь и сел за массивный письменный стол. Дебтера Аваки внимательно посмотрел на него, скрестив руки на груди.

— Тебя что-то беспокоит? Рассказывай все как есть.

— Понимаете, дебтера... — Ксермет заерзал на стуле. — Отец решил сократить наши уроки и при этом удвоить часы боевой подготовки, — выпалил он на одном дыхании.

Он посмотрел на дебтеру чуть не плача.

— Зачем он делает это? Он же тоже прекрасно знает, как я ненавижу все эти упражнения с мечом, верховую езду и все, что с этим связано! Я и так занимаюсь всем этим по пять-шесть часов в день! Я пробовал возражать, но он совсем не слушает меня. — Голос Ксермета поднялся на плаксивую высокую ноту и резко оборвался, скрывшись за окном с очередным порывом ветра.

Дебтера Аваки закрыл маленькое окно и повернул задвижку.

— Ксермет, — сказал Аваки примирительно, но сурово, — такое поведение не подобает мужчине твоего положения. Тебе тринадцать лет, и ты единственный наследник своего отца. Ты понимаешь это, единственный! Меньше чем через год ты отправишься в Ондар на инициацию. И это уже не будет увеселительной поездкой, как в прошлом году, это будет суровым испытанием. Пройдя инициацию, ты вернешься из Ондара мужчиной, со всеми вытекающими. И придет день, когда ты будешь сидеть на саифском троне вместо твоего отца.

— И именно поэтому я хочу больше времени проводить с вами! Мне не просто нравится изучать что-то новое, но я искренне считаю, что правитель должен быть знающим человеком. Еще несколько часов с меконьном Рейнаром и пара дополнительных силяков не помогут мне...

Ксермет заметил нахмуренные брови дебтеры и замолчал, так и не договорив фразы.

— Спасибо за то, что ты слушал меня не перебивая и позволил закончить мою мысль, лыдж Ксермет, — поблагодарил его дебтера Аваки с легким налетом иронии, однако без видимого раздражения. — Кстати, если уж ты заговорил про Рейнара. Я тоже не питаю особенно теплых чувств к нему, но ты и сам наверняка это заметил. Я никогда не скрывал этого. В мирное время я не провел бы и лишней минуты в его компании, выслушивая его двусмысленные остроты. Однако во время боя я хотел бы, чтобы именно Рейнар стоял рядом. Во время осады замка я был бы счастлив, если бы Рейнар руководил его обороной. Я уважаю его как опытного воина. Я вижу и признаю его достоинства и сильные стороны характера. И на твоём месте я бы относился к его урокам с не меньшим вниманием, чем к моим. Так вот... Твой отец, возможно, не очень подробно объяснил тебе причины своего решения. Ксермет, скажи мне, пожалуйста, каковы сегодня самые могущественные в мире государства? Подумай и ответь мне прямо и объективно.

— Акамарская империя, Республика Пятой Гильдии и... — Ксермет замялся. — Гакрукское королевство.

— Я же просил ответить мне объективно, Ксермет, — покачал головой дебтера Аваки и задумчиво погладил бороду. — Настоящий правитель, несомненно, должен быть патриотом своей страны, но при этом здраво оценивать ее возможности. Гакрукское королевство, частью которого является Саифия, провинция твоего почтенного отца, это великая держава с многовековой историей и богатой культурой. В сравнении с ним кочевники западных степей — это практически варвары. Южные королевства сильно раздроблены и кровоточат от постоянных войн и междоусобиц. Цефейское княжество слишком мало, чтобы быть серьезным со-

перником. Таким образом, Гакрукское королевство — это сильная региональная держава. Но я-то спросил тебя, каковы сегодня самые могущественные государства в мире.

— Акамарская империя и Республика Пятой Гильдии, — тихо повторил Ксермет и потупил глаза.

— Правильно. Каждое из этих государств превосходит Гакруксию и по территории, и по военному потенциалу в несколько раз. А на чем основано их могущество?

— У акамарцев сильнейший в мире флот и хорошо подготовленная армия. А Пятая Гильдия стала настолько богата за счет торговли, что может купить все что угодно и кого угодно, включая бесчисленных наемников.

Ксермет посмотрел на дебтеру, ища подтверждения своим словам.

— Верно. — Аваки вновь принялся поглаживать бороду. — Акамарская империя изначально возникла как союз нескольких островных государств и очень быстро расширилась за счет завоеваний. И продолжает расширяться и по сей день. Если анализировать этот процесс с исторической перспективы, то долго это продолжаться не сможет. Империи не только быстро растут, но и так же быстро разваливаются.

Но что такое «долго» или «недолго» для истории? Это целая жизнь для простых людей. Единство таких растущих, как на дрожжах, государств часто основывается исключительно на авторитете правителя. Стоит ему погибнуть — и многие империи разваливаются, начинается дележ между наследниками и полководцами...

Однако акамарский император Аниго молод и умирать не собирается. Акамарская империя переживает свой расцвет, в том числе и в экономическом плане. Такие государственные образования подобны эпидемии, которая поражает все новые и новые земли.

Коренные акамарцы видят в Аниго чуть ли не бога. Богатства от военных экспедиций стекаются в центр, и Аниго очень мудро распределяет их между подданными, так чтобы все оставались довольны. Многие акамарцы испытывают постоянное чувство эйфории от осознания собственной важности и силы. Так уж устроена человеческая природа — для большинства это необыкновенное чувство, когда ты можешь то, чего не могут другие. Другое дело Пятая Гильдия.

Дебтера подошел к огромному книжному шкафу, массивные полки которого слегка прогнбились от гнета огромных фолиантов.

— Пятая Гильдия существует сотни лет и построила свое могущество на торговле. Гильдия росла постепенно, достаточно медленными темпами. Многие мелкие княжества добровольно примк-

нули к ней. У Гильдии обширные связи по всему миру. Она торгует с такими далекими государствами, о которых многие никогда и не слышали.

Дебтера с усилием вытащил с полки огромный том в тисненном кожаном переплете.

— А теперь посмотри сюда, Ксермет. — Аваки с громким хлопком опустил книгу на стол и быстро нашел нужную страницу. — Эта карта мира была составлена десять лет назад. Посмотри внимательно и скажи мне, что ты видишь.

Ксермет внимательно начал разглядывать искусно выполненную карту. Почти в самом центре находился огромный Срединный архипелаг, состоящий из десятков крупных островов. Широкие проливы были украшены фигурами гигантских китов, осьминогов и каких-то других неизвестных Ксермету морских чудищ.

Чуть правее, за водами Оранжевого моря, располагался материк Альниламия, разделенный надвое длинной цепью горных вершин. На пиках многих из них красовались пышные снежные шапки.

К юго-западу от архипелага значительную часть карты занимал материк Альнитак. Он был бы почти правильной вытянутой формы, если бы не длинный отросток в его верхней части, который отдаленно напоминал голову льва с растрепанной гривой. Сразу под полуостровом была нарисована красная змея и готическими буквами были выведены слова «Гакрукское королевство».

— Вот эти королевства... — обвел Ксермет пальцем ряд небольших стран в западной части Альниламии, до горного хребта. Здесь на карте гордо красовались национальные эмблемы: свирепый медведь на задних лапах почти наступал на хвост двуглавному петуху, а крылатая рыба пучила бесцветные глаза на раскидистое дерево с красными плодами. — Всех этих королевств больше нет, это владения акамарского императора.

— Вот именно. А за этими горами земли Пятой Гильдии. Акамарская империя не может больше расширяться на восток. Только глупец всерьез будет задумываться о войне с Пятой Гильдией. А император Аниго далеко не глуп. Он хорошо понимает, что путь на восток закрыт. Однако ему нужны новые победы и новые богатства.

Дебтера Аваки указал на обширные земли, лежащие к югу и западу от Гакруксии. Этот участок карты был больше похож на сказочный лес, где каждый вершок бумаги вмещал несколько диких животных и прочих геральдических символов.

— А вот здесь за эти годы мало что изменилось. Число этих мелких княжеств только увеличилось. Это легкая добыча для императора. Но возникает вопрос: захочет ли он иметь в тылу два сильных независимых королевства?

Аваки указал на Гакруксию и прилегающий к ней полуостров с надписью «Цефейское княжество». Ксермет испуганно посмотрел

рел на дебтеру, словно умоляя его отрицательно ответить на свой собственный вопрос. Вместо этого Аваки поднялся из-за стола и подошел к окну.

— Иди сюда.

Ксермет приблизился к маленькому окну и выглянул в него, встав на цыпочки.

— Видишь этот большой корабль в гавани? Это цефейское торговое судно. Оно прибыло вчера. И привезло гораздо более ценный груз, чем специи.

— Какой же? — тут же спросил Ксермет, широко раскрывая глаза в ожидании того, что дебтера откроет ему какую-то тайну.

— Оно привезло новости. Тревожные новости. Мало кто знает об этом сейчас, но слухи разлетятся очень быстро. Несколько дней назад акамарская армия вторглась в Цефейское княжество.

В голове у Ксермета зашумело, в висках громко застучало, и он медленно вернулся за стол. Война всегда представлялась ему чем-то далеким. Место ей было на страницах толстых книг дебтеры Аваки, богато украшенных иллюстрациями известных сражений. Новости о недавних битвах где-то на другом конце света обычно достигали их города с опозданием в несколько месяцев и тут же утрачивали свою актуальность, превращаясь в безликие даты и названия. Теперь же война стояла на пороге его дома. Скорее даже просто заглядывала во внутренний двор через ограду, робко присматриваясь. Пока робко...

— Теперь, я надеюсь, ты лучше понимаешь решение твоего отца. — Голос Аваки настолько неожиданно прервал его размышления, что Ксермет невольно вздрогнул. — Уверен, он и сам тебе скоро обо всем расскажет. Сейчас у него есть более срочные дела.

Возникшая пауза тут же заполнилась боем старинных стенных часов.

— Восемь, — сказал дебтера, не глядя на циферблат, — как раз подошло время начать наше занятие. Итак, сегодня мы поговорим о религиозных представлениях степных народов.

Глава 5 ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Андрей подпрыгнул на кровати, тяжело дыша, и начал судорожно озираться по сторонам. Он никак не мог понять, где находится. Лоб его покрылся испариной, а лицо было мертвецки бледного цвета. Где я? Комната. Воин. Опять. Моя комната. У-у-уф. Мысли его прерывисто заматались, лихорадочно натываясь друг на друга. Да-а-а... Только вчера порадовался, что сны эти прекратились, и на тебе.

Андрей посмотрел на часы и медленно сполз с кровати. Нашу-пав в темноте тапки, он обреченно побрел на кухню. Скоро Вика за мной придет. Надо приводить себя в форму. Рассказать ему про новый сон? Или не надо? Не включая света, Андрей машинально вставил хлеб в тостер и принялся заливать воду в кофемашину. Лучше не надо. Совсем за идиота меня держать будет. Хватит и прошлого раза. Андрей принялся заново прокручивать в голове детали нового видения.

Вновь он смотрел на мир глазами воина. Вокруг было по-прежнему темно, однако не так, как в прошлый раз. Это была обычная темнота позднего вечера, почти умиротворяющая, а не зловещая, как в прошлый раз, которая пробирала своей неизвестностью до самых костей.

Погода стояла хорошая, не было больше этого ужасного ливня, барабанившего по доспехам тяжелыми каплями. Вокруг громко трещали какие-то насекомые, и дул прохладный ночной ветер. Судя по черным силуэтам гор, он по-прежнему находился все в той же долине. Или в другой, похожей на нее, но явно где-то неподалеку.

К счастью, отметил Андрей не без удовольствия, бойни вокруг больше не было. Тем не менее воину этому явно не жилось спокойно. На этот раз он куда-то бежал. И бежал невероятно быстро сквозь эту темную равнину. Мимо с огромной скоростью пронеслись мелкие темные кусты и редкие камни. Андрей невольно подумал про свои упражнения на беговой дорожке в тренажерном зале. От этого бугая тренажер перегорел бы к черту.

Сзади раздавались взволнованные крики. Кто-то бежал за ним, однако, судя по всему, свои. Нет, он точно не убегал ни от кого, скорее бежал куда-то первым. У узкого входа в долину Андрей разглядел какой-то неровный частокол и длинную траншею, рядом с которой столпились другие воины. Они оживленно что-то обсуждали и показывали пальцами в темноту, в сторону ущелья.

Тостер с громким щелчком выплюнул зажаренный до черноты хлеб. Андрей устало покрутил регулятор мощности и убедился, что тот стоял на самом минимуме. Сломался окончательно. Надо менять. Андрей подошел к холодильнику в поисках чего-нибудь мясного. Свет из-за открытой дверцы вырвался в полутемную кухню и разлился над мрачным миром воина.

Андрей зажмурился. Воин подбежал наконец к группе своих товарищей и начал что-то оживленно у них спрашивать. Через несколько секунд подтянулись и остальные, все с мечами наготове. А дальше началась полная бредятина. И чего все эти здоровые мужики так переполошились из-за нее?

Андрей представил себе, как из темноты навстречу всей этой ораве вооруженных до зубов мужиков вышла молодая хрупкая девушка. Она зябко ежилась от холода и загнанно озиралась по сто-

ронам. Девушка была с ног до головы замазана грязью, а голые руки, которые она сжимала на груди, были покрыты глубокими ссадинами.

Воин начал разглядывать девушку с ног до головы и беспокойно мотать головой. Он прищурил глаза, пытаясь получше рассмотреть ее лицо. Затем он что-то оживленно забормотал себе под нос и даже на секунду прикрыл глаза, как будто хотел отогнать от себя призрачное видение.

Один из солдат что-то прокричал в темноту и замахал девушке, подзывая ее ближе. Сам воин продолжил что-то бубнить и даже описал рукой несколько кругов у своей груди, как будто перекрестился, но как-то по-особенному. Что он там такое говорил? Повторял все время одно слово какое-то, то ли «аланса», то ли «аранса».

Раздался дверной звонок. Черт. Андрей понял, что так и стоит у открытого холодильника. Вика уже приехал. Без завтрака я остался. Не, не надо ему ничего говорить, это сто процентов.

— А я ему и говорю: папа, тебя твоя наука до добра не доведет, — вещал Вика без остановки, сидя за рулем серебристой «десятки». — Не, ну ты, Андрей, представляешь, в полчетвертого ночи я в туалет пошел, еще потом специально на часы посмотрел, а он там все сидит за своими манускриптами. А самому, между прочим, вставать на работу к девяти, пара в университете. Я не знаю, он вообще-то ложился спать или нет. Отмахнулся от меня только, мол, иди сам спи, а мне не мешай. Сидит все про каких-то древнеассирийских воинов читает. А с утра я на него посмотрел — синяки под глазами размером с блюдце. Я ему: папа, ну ты бы хоть студентов своих постеснялся, в таком виде к ним ходить! Они ведь могут и не понять, что ты всю ночь за книжкой просидел, подумают, что синячил где-нибудь ночь напролет.

— А что за манускрипт-то? — поинтересовался Андрей скорее из вежливости, нежели из интереса.

Он едва понимал, что говорит Вика, все время думая о своем. Вернее, все его мыслительное пространство условно делилось на две области. В первой находилась Алина, а во второй — воин. Мыслями это назвать было сложно, так как он в общем-то ничего конкретного и не думал про них. Эти два образа просто постоянно находились в его голове, своим присутствием почти полностью блокируя его способность логически рассуждать. Отдельные слова, долетавшие до него со стороны Вики, только усиливали ту или иную область. «Пара в университете», — Алина, набережная у университета, остановка. Область с Алиной заполняла собой почти весь мысленный экран, вытесняя из него воина. «Читает про каких-то воинов», — и воин вновь выбирался из своего угла с громкими криками на непонятном языке.

— Да какая-то древняя рукопись. Он ее несколько недель назад... — Вика осекся, но продолжил, осторожно подбирая слова. — В тот самый день, когда авария в университете была, на улице нашел. Извини, Андрей, не подумал я. Давай про что-нибудь другое лучше поговорим.

— Да нет, продолжай, Вика говори, как есть.

Вика неуверенно покосился на товарища.

— В общем, во время той аварии все люди как люди, кто помогал, кто что, а мой папаша, даже признаваться стыдно, увидел на земле древнеассирийский манускрипт и начал спасать его. Видимо, кто-то из студентов из библиотеки нес, ну и выронил во всей этой неразберихе. Но вот тут и начинается самое интересное. Папа его подобрал, а когда понес в библиотеку, понял, что библиотечных штампов на нем нет. Никто про него там сказать ничего не может, в каталогах он не числится. Непонятно, откуда взялся. Он уже побывал в восточной библиотеке на Литейном и в Институте востоковедения. Там тоже про него никто ничего не знает. И вот мой отец с тех пор как помешался. Все твердит что-то про прорыв в мировой науке и все в таком духе. Я его знаю, у него часто подобные «прорывы» случаются. Правда, обычно они длятся от силы неделю, потом он, как правило, успокаивается. А тут никак не уймется, сидит все что-то расшифровывает. Какой-то там диалект особый, цитирую, «никогда прежде науке неизвестный».

Машина встала на светофоре перед въездом на Дворцовый мост. Здесь я тогда пошел пешком. Андрей бездумно рассматривал набережную и спящих по ней людей. Вдруг его взгляд упал на молодую девушку, которая стояла на набережной с большой фотокамерой в руках. Она что-то искала в настройках, пытаясь сделать удачный кадр. Андрей хотел разглядеть ее лицо, но оно было скрыто от него густыми кудрявыми волосами. Ее фигура, рост, цвет волос... Как две капли похожа на мою Алину. По крайней мере, со спины. Сердце Андрея забилося, но здравый рассудок тут же вернул его в реальность. Она умерла. Умерла, понимаешь?

Андрей понимал. Ему вдруг стало до боли ясно, что в прошлый раз, когда шел по этой самой набережной, он был по-настоящему счастлив. Он предвкушал новый важный этап в своей жизни. Мысль о том, что он был в двух шагах от создания своей собственной семьи, была ему особенно приятна, ведь сам он вырос в детском доме и о своей родне ничего не знал. Да и не хотел знать.

И вот он стоял на пороге чего-то замечательного и сказочного, и самое главное, созданного своими руками. И все это в один миг у него забрал какой-то пьяный идиот на внедорожнике. Андрею вдруг стало мучительно жалко самого себя. Он опустил лицо в ладони и начал громко плакать, захлебываясь своим горем.

Вика так оторопел, что даже не заметил зеленого сигнала светофора. Когда машины сзади начали сигналить, он тронулся впе-

ред. Андрей вытер лицо рукавом и уставился в окно, пытаясь скрыть слезы от товарища.

— Знаешь что, Андрей, — сказал Вика после продолжительной паузы, тщательно подбирая слова, — я вот что предлагаю. Давай-ка ты у меня поживешь недельку-другую. Комната свободная у нас есть. Хоть все время с людьми будешь. А то так и правда с ума сойдешь, один-то.

— Да неудобно как-то, Вика. Чего я вам буду там под ногами путаться.

— Да ладно тебе. Отец со своей рукописью даже и не заметит, что у нас еще кто-то по дому ходит. Давай часов в шесть у выхода из бизнес-центра. Заедем к тебе за вещами, а потом напрямик ко мне.

Глава 6 ГОРНЫЙ РОДНИК

Айтана смотрела на опрокинутые ведра с водой, едва сдерживая слезы. Ветер со свистом вылетал из расщелины меж двух отвесных скал и трепал тяжелый мокрый подол платья. Девушка убрала кудрявые светлые волосы с лица и заправила их под кромку вязаной шапки. Затем она начала осторожно спускаться с горной тропы вниз по россыпи крупных камней, туда, где локтях в двадцати от нее лежали злосчастные ведра.

Ботинки жалобно хлопнули, обдав замерзшие стопы свежей порцией ледяной воды, и камни с громким стуком покатались вниз. Айтана вскрикнула, пытаясь удержаться на ногах. Острый камень размером со спелое яблоко больно ударил ее по лодыжке, и она потеряла равновесие. Камни застучали еще громче, и девушка скатилась до самого низа, больно приземлившись на руки у самых ведер.

Придя в себя, Айтана убедилась, что ее неудачный спуск вызвал серьезного камнепада, и медленно поднялась на ноги. Она уставилась на свои ободранные ладони, из которых тонкими струйками начинала сочиться кровь. Девушка зябко поежилась и со смесью грусти и испуга посмотрела на узкую петляющую тропу, которая вела далеко вниз, к горному источнику. В этот момент слезы окончательно прорвались наружу и потекли по щекам. Айтана машинально вытерла их рукой и, поняв, что только что измазала лицо липкой смесью грязи и крови, заплакала еще сильнее.

Немного успокоившись, посмотрела на солнце. Полдень. Еще успею до темноты опять сходить. Она обреченно взяла оба ведра в одну руку и медленно полезла наверх, к тропе, хватаясь свободной рукой за крупные камни. Мать волноваться будет. Ну ничего не поделаешь, на все воля звезд.

Айтана невольно представила себе их старую деревню, которая располагалась недалеко от горного перевала, соединявшего Ондар с северными провинциями и долиной Омо. Будучи маленькой девочкой, она часто бегала туда поглазеть на утомленных путников, которые шли через перевал, чтобы сэкономить несколько дней пути, отказавшись от удобств Королевской дороги.

Через несколько долгих минут Айтана наконец выбралась обратно на тропу. И источник с водой там был почти у самого дома. Айтана до сих пор вспоминала, как путники останавливались в их деревне на ночлег, в том числе и у них дома. Пока усталые гости рассказывали о своих долгих странствиях, мать почти всегда принималась печь свои фирменные пирожки с картошкой. Даже сейчас, на этой холодной, со всех сторон продуваемой ветром горной тропинке, Айтане казалось, что она чувствует их запах и волну ароматного тепла, исходящую от пузатой печки.

Отец всегда задавал гостям много вопросов и интересовался каждой мелочью. Сам он всю жизнь провел в родной деревне и редко спускался вниз. Он бывал в Ондаре раз или два в год, а на северную сторону и вовсе никогда не заглядывал. Несколько раз он брал с собой и ее с матерью, на праздник в честь дня рождения короля. Айтана до сих пор помнила красные улицы Ондара и колонны всадников в роскошных одеждах, которые важно следовали по аллее Королей в сторону внутреннего замка.

Еще большее впечатление, чем сами воины, на Айтану всегда производили их лошади. В их деревне самыми крупными животными были ослы да еще пара здоровенных псов, живущих по соседству. Эти же кони были мускулистыми и стройными, облаченными в богато расшитые накидки, которые едва уступали по тонкости работы одеждам своих хозяев. Они были совсем не похожи на тех усталых лошадей, которые изредка были вынуждены сопровождать своих хозяев через перевал.

Пока путники рассказывали свои такие разные в деталях, но такие похожие в общем истории, Айтана обычно забиралась на печку и наблюдала оттуда за происходящим, один за другим поглощая мамины пирожки и представляя себя на месте их гостей. Она то была предприимчивым купцом, который первым пытался доставить в северные города дорогие специи, прибывшие на фрегате Пятой Гильдии, то разорившимся торговцем, идущим искать удачи на новом месте, то полным надежд учеником ремесленника, закончившим свое образование в столице и мечтающим о собственной мастерской в отдаленных землях королевства, а однажды даже гонцом самого короля, который должен был куда-то доставить королевский указ.

Однажды Айтана, как обычно, выбежала на горную дорогу поглазеть на странников, однако никто не появился. Девочка несколько часов просидела там, глядя на пыльную дорогу и переска-

зывая тряпичной кукле одну из недавно услышанных историй. Вскоре она заметила вдалеке маленькую человеческую фигурку.

Незнакомец поднимался вверх практически бегом, часто спотыкался, но тут же поднимался вновь и упорно продолжал свой путь. Через некоторое время он поравнялся с Айтаной. Судя по одежде, это был зажиточный горожанин, однако дорогая туника была превращена в клочья и замазана грязью. Он упал на колени рядом с ней, тяжело дыша. Айтана с недоумением и ужасом смотрела на него, не зная, что предпринять.

— Девочка, — выдавил из себя незнакомец, пытаясь восстановить дыхание, — девочка, беги в деревню. Пускай уходят, уходят, слышишь?! Пока еще могут! Беги скорее!

Айтана испуганно смотрела на него, не двигаясь с места.

— Ондара больше нет! Скоро они и сюда доберутся.

С этими словами он тяжело поднялся и, задыхаясь, из последних сил побежал вверх, слегка пошатываясь. Айтана понеслась в деревню, оставив куклу в дорожной пыли.

Вскоре пришли другие, такие же оборванные и уставшие, как и тот горожанин. Все они были до смерти напуганы, и никто из них в тот день не хотел останавливаться в их деревне на ночлег. Через пару часов, как бы подтверждая их путанные немногословные рассказы о каком-то нашествии и кровавой бойне, над соседней горой стал подниматься огромный столб черного дыма — горел Ондар.

— Что случилось? Что там внизу происходит? — спросил отец Айтаны худощавую женщину с пронзительно кричащим грудным ребенком на руках, хватая ее за плечо. Мать стояла рядом с непонимающими широко открытыми глазами и собранной наспех дорожной сумкой. — Что там? Акамарцы? Здесь? Откуда они под Ондаром? Не может быть, чтобы так быстро!

Лицо женщины исказилось от страха и ненависти.

— Пусти! — бешено закричала она, яростно вырывая руку. — Пусти, сукин ты сын, пусти!

Отец молча отпустил ее, и женщина помчалась вверх, прижимая ребенка к груди и громко изрыгая проклятия.

Рядом с Айтаной и ее родителями собралось уже полдеревни. Никто ничего не мог понять, но всем было ясно, что нужно уходить как можно скорее. Отец взял у матери сумку, взвалил ее на плечо, крепко сжал руку Айтаны и тихо произнес:

— Бежим.

И Айтана бежала, вместе со своими родителями, вместе со всей своей деревней, не понимая, что происходит, с ощущением полной нереальности происходящего, однако с крепким намерением вернуться.

Одинокая черная птица с ярким желтым клювом встретила Айтану у источника с водой. Она надменно посмотрела на устав-

шую девушку и недовольно каркнула. Тяжело вздохнув, Айтана подставила ведро под прозрачную струю весело журчащей воды.

Ноги в промокших ботинках замерзли так, что она их практически не чувствовала. Когда ведра были опять полны, она сжала их в застывших ободранных ладонях и обреченно направилась обратно по крутой горной тропе. И почему надо обязательно ходить так далеко к этому источнику, пожаловалась она сама себе, хотя ответ она прекрасно знала.

Бежали они долго. Сначала в северные города, где жили несколько долгих месяцев в длинном грязном бараке вместе с другими беженцами. Изю всех воспоминаний об однообразных днях, проведенных там, яснее всего Айтана помнила затхлый запах сырости и чужого пота. Отца не было с ними целыми днями: он обычно приходил лишь поздно вечером сильно уставшим, принося с собой скудную выручку, которую мог раздобыть мелкими приработками.

У других семей из их деревни дела шли немногим лучше. Уже через несколько недель стало понятно, что на севере они тоже не были в безопасности, и то, что случилось с Ондаром, скоро произойдет и здесь. Известия о гибели других крупных городов начали приходить с завидной регулярностью. И тогда кто-то из их старой деревни предложил уйти обратно в горы, начать все сначала, построить новую деревню, однако на этот раз как можно дальше от перевалов и дорог.

Но «как можно дальше» оказалось понятием относительным. Несколько раз они уходили, как им казалось, очень далеко. Они обосновывались на новом месте во все более отдаленных горных районах, но только они начинали чувствовать себя в безопасности, как кто-либо из пастухов возвращался в деревню со страшной новостью о том, что он вновь видел вдалеке людей в черных балахонах.

И они тут же оставляли обжитое место и бежали еще дальше. В последний раз, две недели назад, их застали врасплох. Бежать удалось лишь немногим. Отец и другие мужчины попытались задержать нападавших. Айтана помнила, как он буквально вытолкнул их с матерью за порог с черного хода, крепко, но всего на миг обнял обеих и опять сказал им бежать.

— Я догоню вас, обещаю! А теперь бегом, не останавливайтесь, изо всех сил, быстро! — прокричал тогда он, хватаясь за неизвестно где и когда раздобытый старый солдатский меч с выцветшей ободранной рукояткой.

Айтана тяжело вздохнула, осторожно поставила ведра на тропинку и потерла онемевшие от тяжести ладони. Совсем недалеко осталось. Еще до захода солнца успею. Она зябко поежилась и взглянула на узкий проход меж двух скал. За ним притаились три

маленьких, неумело собранных шалаша, которые едва спасали своих обитателей от дождя и ветра.

Это был единственный раз, когда отец не сдержал своего обещания: кроме тех, кому чудом удалось бежать сразу, никто за это время больше не объявился. Что делать дальше, никто не знал. Уходить было больше некуда, возвращаться опасно, а оставаться здесь невозможно. Все уцелевшие — пять женщин, шестеро детей и Айтана (которая не могла до конца решить, к какой группе отнести себя) — уже несколько дней перебивались подножным кормом и не видели никакой возможности раздобыть иную пищу. Каждый вечер они собирались вокруг маленького костра и ждали сами не зная чего, боясь признаться себе, что никто больше не придет.

Внезапно Айтана решительно подняла ведра резким движением и зашагала вверх по склону так быстро, как только могла. Никто не придет. Никто не придет. Отец не придет к нам. Они все погибли. Погибли, пытаясь нас защитить. Теперь мы сами должны о себе заботиться, сами защищать себя. И надо уходить отсюда. Нельзя здесь больше прятаться. Нельзя. Надо идти назад, через старую деревню. А потом... Потом не знаю, но сейчас главное — начать, главное — идти. Никто не придет.

От этих мыслей Айтана вдруг ощутила странную смесь почти панического страха и непонятно откуда взявшейся радости. Она почувствовала необычайный прилив сил, а ведра в руках стали гораздо легче. На лице Айтаны появилась еле заметная улыбка. Она невольно слизнула слезы, которые обильно катились по ее щекам и скапливались у верхней губы. Сегодня за костром мы не будем молчать.

Глава 7 ТРАВА И ЗЕМЛЯ

Зеленая долина купалась в лучах заходящего солнца и была окрашена в теплые оранжевые тона. Тени от деревьев дубовой рощи становились все длиннее и медленно подкрадывались к военному лагерю, словно щупальца огромного морского чудовища. Они как будто пытались поглотить палатки и наспех сколоченные укрепления вместе с их угрюмыми и настороженными обитателями. При этом они были настолько заняты осуществлением своего коварного плана, что совсем не замечали огромной тени от горы, которая накрыла уже большую половину долины и надвигалась сзади на них самих.

Ксермет устало сидел на земле, привалившись спиной к сгоревшему остову телеги с провиантом. Он пристально, хоть и без особого интереса, разглядывал огромного воина, который по всем своим внешним признакам подходил под описание тех самых степных народов, о которых в те далекие дни рассказывал дебтера Аваки.

Вот ведь как странно работает память. В деталях помню тот день, когда отец решил вплотную заняться моей боевой подготовкой. Помню, о чем мы говорили с ним, как я тогда протестовал, едва сдерживал слезы. Помню, как поднимался на старую башню в тесную комнату Аваки. Помню все, что он мне сказал тогда, как я был потрясен и даже разочарован тем, что он поддержал моего отца. Помню свой страх перед войной... И ведь помню даже, что потом он мне несколько часов в деталях описывал обычаи этих дикарей.

Ксермет слегка приподнял бровь от удивления, когда кочевник вслед за кожаными доспехами снял и нательную рубаху, несмотря на холодные порывы крепчающего вечернего ветра. Ксермет невольно поежился.

А вот что он мне там рассказывал про их верования — ничего не помню, даже приблизительно. Хотя какая разница, ведь того мира, истории про который я так любил слушать, давно уже нет. Нет больше тех народов, тех стран и правителей с их никчемными амбициями. Нет больше тех войн, которые тогда казались такими важными. Война за право называться правителем той или иной земли. Война за торговые привилегии. Война с неверными, осквернившими истинных богов. Война с врагами наших друзей или с друзьями наших врагов. Война с соседями, вообще без особых причин, просто потому что они соседи и не надо далеко ехать и долго собираться, чтобы с ними повоевать. Война тут, война там, за то, за это...

Как глупо теперь все это звучит. Теперь осталась только одна война: за выживание. И впервые за долгие тысячелетия никого больше не волнует, кто сейчас правит за соседней горой или переправой. А чего стоит наш Пурпурный легион? В нем гакрукских воинов, наверное, две трети, не больше. И акамарцы с нами, будь они неладны, и цефеи. Иногда вообще непонятно, кто кому здесь реально подчиняется.

Ксермет невольно принялся считать огромные безобразные шрамы на мускулистом торсе кочевника. Вот что значат хорошие доспехи, а точнее — их отсутствие. Несмотря на то что его собственное тело тоже было покрыто многочисленными порезами и ссадинами, все они не шли ни в какое сравнение со следами огромных ран на теле дикаря.

Ксермет начал копаться в памяти, пытаюсь понять, что здесь вообще делает этот полуголый великан. Он смутно припомнил, как кто-то из товарищей сказал ему на привале в самом начале их марша, что скауты наткнулись на небольшую группу степных воинов. Некоторые из них могли изъясняться по-гакрукски и что-то твердили про огромный пожар и толпы безумных. Они говорили, что пути назад им нет, что в степи теперь хозяйничают «темные люди» и спастись почти никому не удалось. Понятно, за нами

увязались. Что ж, нам сейчас и эти не помешают, особенно после сегодняшней бойни.

Тем временем кочевник достал из дорожной сумки небольшой мешочек, крепко перетянутый бечевкой, и осторожно принялся его развязывать. Толстые пальцы неловко пытались распутать тугой узел веревки. Ксермет поджал под себя ноги, сев повыше, и даже немного задрал голову, не особенно стараясь скрыть растущее в нем любопытство.

Долина все больше окрашивалась в серые тона, и фигура дикаря поблекла, сливаясь с зарослями кустарника. Тени от деревьев дубовой рощи подкрались к лагерю плотную и испуганно оставились, ощутив холодное дыхание гигантской тени от горы у самых своих ног.

Кочевник наконец справился с веревкой и достал из мешочка небольшой тряпичный кулек. Он осторожно развернул ткань и расстелил ее на земле рядом с кустарником. В самом центре Ксермет разглядел темное пятно неправильной формы. Дикарь встал на колени и опустил руки на землю, составив из ладоней домик вокруг драгоценного содержимого, очевидно пряча его от ветра. Затем он припал головой к рукам и замер.

Вскоре до Ксермета донеслось еле слышное бормотание. Интересно все-таки, что там у него в мешке? Бормотание становилось все громче и вскоре переросло в заунывное пение на незнакомом языке, которое грустно поднималось в темное небо, на котором зажигались первые звезды.

Ксермет откинул голову назад и закрыл глаза, внезапно ощутив всю тяжесть прошедшего дня. Все его тело ломало от полученных ран, в особенности левое запястье, на котором виднелись глубокие следы зубов. Рука сильно опухла, а мизинец не двигался вовсе. Огромные синяки и кровоподтеки покрывали его шею, которая побывала в удушливых объятиях какого-то безумного. Вся грудная клетка горела, посылая жаркие импульсы в стучащие виски из-под смятой пластины доспехов.

Из всей его сотни в живых осталось чуть больше дюжины человек, все из числа тех, кто в суматохе боя был оттеснен безумными от позиций его отряда и не пошел с ним в атаку на наездника. И Джад. Этот сукин сын всегда выживает, в любой передрыге. Если бы он не взял на себя тех двух последних безумных, ничего бы у меня не вышло. Лежал бы я уже где-нибудь на дне реки, лицом вниз. Хотя хорошо Джаду в этот раз досталось. Хоть бы только выкарабкался. Перед глазами Ксермета предстало опухшее до неузнаваемости тело в палатке эскулапов, с ног до головы обмотанное кровавыми бинтами. А всех остальных я сегодня отвел на смерть. Столько народу положил. Все опытные, хорошие бойцы.

Заунывное пение кочевника резко прекратилось, и Ксермет вздрогнул, выйдя из оцепенения. Дикарь продолжал неподвижно

стоять все в той же позе. Ксермет медленно поднялся и тихо подошел к нему, заглядывая ему через плечо. В ладонях кочевник сжимал горсть сухой земли, из которой торчал маленький жухлый колосок. Ксермет невольно фыркнул, не сумев скрыть своего разочарования. Он надеялся увидеть какой-нибудь диковинный фетиш вроде статуэтки странного степного бога, которого он представлял себе почему-то непременно с головой лошади. Дикарь поднял голову и пристально посмотрел на Ксермета.

— Мои братья все сегодня умирать, — вдруг произнес он, когда Ксермет уже развернулся, чтобы уйти. — Все, что приходит со мной, все, что бежать из горячей степи. Всех забирать темный человек, — продолжил он на ломаном гакрукском.

Ксермет на секунду заколебался, решая, стоит ли ввязываться в разговор.

— Я сегодня тоже потерял много братьев. — На душе у Ксермета было тяжело, как бы он ни пытался убедить себя в обратном, списывая все на трудности войны. — И я сам повел их на смерть, в атаку на наездника.

— Так это ты убивать темного человека? — Глаза дикаря расширились, и он неожиданно схватил Ксермета за руку. Ксермет вздрогнул и опустил свободную ладонь на рукоятку меча.

— Не надо, я не хочу вреда. Ты мстить и за моих братьев. Меня звать Макхэкв. И я теперь тоже твой брат.

Замечательная у меня родня объявилась, подумал Ксермет, но, к своему собственному удивлению, раздражения не ощутил. Напротив, в первый раз за сегодняшний день он почувствовал некий душевный покой, как будто держал его за руку не этот покрытый шрамами дикарь, а некий близкий ему человек.

Даже боль во всем теле как-то отступила, и в висках перестало бешено стучать. Черт возьми, как же все-таки работает память! Теперь вспомнил: эти кочевники верят, что их далекие предки были травой. Была там какая-то бредовая история про то, как сильный ветер налетел на степь и вырвал из земли всю траву. Потом он долго гонял ее, пока она не спуталась вместе и не получился из нее первый мужчина. Что же там дальше-то было? Ксермет наморщил лоб, пытаясь вспомнить продолжение истории.

— Дальше первый мужчина долго бродит по степи, но быть очень беспокойным. Будучи сотворенным из травы, он теперь отрывается от своей второй половины — земли, — продолжил дикарь, крепче сжимая его руку.

Ксермет вздрогнул. Я что, вслух это сказал? Быть не может.

— И тогда он собирать землю вместе и делать из нее женщину. Четыре дня и четыре ночи он лепить из земли себе жену. Когда он закончить, солнце обжигать эту земляную фигуру, и она становится первой женщиной. От них и пойти степной народ. — Кочевник улыбнулся и отпустил руку Ксермета. — Мы с тобой еще

встречаться, Ксермет. Иди, я молиться за своих братьев. Все они скоро становятся землей и прорастать травой.

Дикарь опять опустился на землю, уткнувшись головой в ладони.

До Ксермета вновь донеслось невнятное бормотание. Он постоял еще немного, изумленно глядя на странного незнакомца, и зашагал в сторону входа в долину, где в воздух поднимались тонкие струйки дыма от костров. В висках у него опять застучало.

Поперек узкого входа в долину протянулся длинный ров, с внешней стороны которого в лунном свете торчали редкие заостренные колья. Вдоль траншеи медленно двигались темные фигуры дозорных. Чуть поодаль на узкой каменистой платформе на близлежащей горе Ксермет разглядел еще несколько человек, которые напряженно вглядывались в даль.

Ксермет направился к двум палаткам, возле которых горел большой костер. В свете огня, недовольно выбрасывающего трескучие искры, Ксермет разглядел угрюмые мужские лица. Легионеры механически бросали игральные кости на маленький складной столик и машинально переводили стрелки дисков, которые указывали на набранные ими очки. Игра, обычно сопровождаемая громкими выкриками, руганью и смехом, сегодня протекала в полном молчании.

— Честь и отвага! — громко поприветствовал их Ксермет издалека.

— Честь и отвага, — донеслись от костра разрозненные возгласы.

— Где остальные, в палатке?

— Да, спят почти все. Сначала эта бойня, потом весь день здесь окопы рыли, — отозвался молодой воин с редкой бородкой.

— Ну, раз вам четверым не спится, давайте все в дозор. Я тоже с вами пойду. Не думаю, что вообще усну сегодня. Пора уже ребят менять, — кивнул Ксермет в сторону темных фигур у траншеи. — Собирайтесь.

— Ксермет, можно вопрос? — робко произнес коренастый легионер с рыжей всклокоченной копной волос и пышными рыжими усами.

— Конечно, Азиз, спрашивай. — Ксермет вздохнул и повернулся к нему.

— Слухи ходят... — немного замаялся воин, — да в общем-то и не слухи даже, а факт. Ты наездника сегодня убил.

Рыжий украдкой посмотрел на товарищей, ища в их глазах поддержки.

— Каково это? Как тебе это удалось?

Над костром нависла тишина, все пристально смотрели на Ксермета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. ТЕМНОЕ БУДУЩЕЕ	9
Часть вторая. СВЕТЛОЕ ПРОШЛОЕ	272
<i>Эпилог</i>	470
<i>Благодарности</i>	473